

Н.В. ЗАХАРОВ

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

КНИГА ВТОРАЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Захаров
Анна Ермолаева
Смутные времена. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43656843

SelfPub; 2019

Аннотация

Как это ни прискорбно осознавать, но вся история России – Смутные времена. Из тьмы веков и до дня нынешнего. Все совпадения имен персонажей с реально жившими и живущими людьми совершенно случайны. Продолжение "Жуликов и авантюристов". Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	40
Глава 4	67
Глава 5	84
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Глава 1

Деревушка Лаптево продолжала будоражить умы командования по обе стороны линии фронта, особенно в последние часы она беспокоила ум командующего Группой Армий Юг Генерал-Фельдмаршала Эриха фон Манштэйна, которому не нравилось, что на левом фланге его наступающих дивизий повисла сороковая армия русских. И что по сути дела, если присмотреться хорошенько к карте, дивизии попросту лезли в "мешок", довольно узкий и очень отвратительно на карте выглядящий. В реальности "мешок" выглядел еще отвратительнее. Но в реальности его Эрих фон Манштэйн видеть не мог, так как штаб его находился, конечно же, в тылу. Но если бы он увидел, то не задумываясь отдал бы приказ отступить и как можно дальше... До Харькова. Там уже на всякий случай была хорошо подготовлена глубоко эшелонированная оборона. Однако Эрих изучал обстановку не в живую, а по карте, на которой флажки с номерами полков и дивизий Вермахта и Ваффен СС медленно, но казалось уверенно, все же наступали и за полдня к 13.00 часам, продвинулись на 5-7-м километров. "Лейбштандарт" мог бы и дальше развивать наступление, но не встретив сопротивления в районе Гостищево, танкисты растерялись, увидев перед собой выжженную пустыню.

Такого им за всю войну видеть не доводилось и растерян-

ность их можно было понять. Справа и слева гремел раскатами фронт, а здесь они не встретили никакого серьезного сопротивления. Вообще никакого, если не считать авиацию русских, которая сначала их атаковала, но потом тоже исчезла и больше не появлялась. И понятно почему. Поднятые тучи пепла и сажки, покрыли танки дивизии "Лейбштандарт" таким толстым слоем, а тучи дыма поднялись на такую высоту, что летчики просто их не видели и пролетали мимо. Видимость упала практически до нуля. Механики-водители не знали куда ехать и командиры машин виновато докладывали по радиосвязи, что потеряли визуальную ориентацию. В результате прозвучала общая команда "Стой" и танки замерли окончательно, в ожидании, когда дым развеется и позволит воевать дальше.

У русского командования напротив, появилась другая головная боль, заставившая временно забыть о деревне Лаптево. Шестая гвардейская армия, исчезла в течение нескольких часов в результате артиллерийского огня немцев и фронт на участке Яковлево – Ржавец практически оголился. Все три эшелона обороны обезлюдели и немцев ничто не сдерживало. Командующий Воронежским фронтом спешно распорядился заткнуть образовавшуюся брешь сначала собственными резервами, но поняв, что этого явно недостаточно, запросил резервы у Ставки, объяснив создавшееся положение. Ставка пошла на встречу и направила резервную 5-ю гвардейскую танковую армию под командованием генерал-лей-

тенанта П.А. Ротмистрова в его распоряжение. Понимая, что последствия могут быть весьма печальными, даже катастрофическими, если немцы сумеют выйти на оперативный простор, отрезав 40-ю армию и взяв Курск, Сталин /Также воевавший по глобусу/ потребовал, чтобы 5-я гвардейская танковая как можно скорее появилась на Воронежском фронте и остановила наступающих немцев совместно с 5-ой же гвардейской, но стрелковой армией. Удар нанесенный немцами в этом месте и та легкость, с которой они уничтожили три линии обороны, так /мягко говоря/ обеспокоили командование, что сюда же были брошены войска резервного Степного фронта в количествах просто немыслимых. Четыре танковых корпуса 2-ой и 2-ой гвардейский, 18-ый и 29-ый. Три стрелковые дивизии перемещались туда же пешим порядком – 42-ая и 52-ая гвардейские и 183-я, просто стрелковая. Бросили даже подвернувшуюся под руку дивизию ВДВ – 9-ую и разумеется гвардейскую. Вот уж это и вовсе означало, что командование не просто "обеспокоилось", а буквально впало в некоторую панику. Десантные войска совсем не тот род войск, которому следует сидеть в окопах и отбиваться от наступающих танков, забрасывая их "коктейлями Молотова". Не особенно учат этих парней обороняться. Наступать учат, причем, опять же, не пешком, а с воздуха. Задача их – прыгать на противника с неба, сеять панику, уничтожать коммуникации и склады с боеприпасами и ГСМ. Диверсанты, если одним словом. Вот их целую дивизию не пожалев и броси-

ли под хутор Сторожевой, рядом с которым пока еще стояли замерев немецкие танки. Сюда же, в место прорыва, спешила и 6-я мотострелковая бригада 5-го гвардейского стрелкового корпуса. Ну, эти-то задействованы были правильно и именно они появились юго-западнее Прохоровки вместе с вэдэвэшниками и спешно принялись восстанавливать линию обороны, уничтоженную немецкой артиллерией. И пока танковые дивизии Ваффенн СС переживали неблагоприятные полевые условия, русская пехота и десантники, черные от пороховой гари, получили передышку и жиденькой преградой встали на их пути. Но командующий Воронежским фронтом был человеком проницательным и умел видеть ситуацию на много ходов вперед, поэтому выпросил у командующего Центральным фронтом генерала-армии Рокоссовского помощь и тот так же будучи гениальным полководцем и стратегом, не отказал, направив десяток дивизий из резервов своего фронта соседу. Район, получивший самый страшный, массированный удар артиллерии и авиации немцев, насыщался войсками. И на картах штабных в его сторону было нарисовано столько стрел и расставлено столько флажков с порядковыми номерами полков, что плотность на квадратный километр здесь обещала в ближайшие сутки стать самой значительной на всей Огненной дуге.

Немцы также вводили в прорыв новые силы, но дивизии их уперлись в спешно обновленный рубеж обороны от изгибов реки Псел до хуторка Сторожевое и в условиях огра-

ниченной видимости, под огнем русской артиллерии, возобновившей обстрел, вынуждены были срочно зарыться в черную, мертвую курскую землю. Нарастивая также плотность на квадратный километр, чтобы начать наступление уже на следующий день – 6-го июля.

Но следующий день опять же прошел в артперестрелках, окапывании, коротких атаках и контратаках противостоящих сторон, вошедших в плотное соприкосновение и на отдельных участках фронта перемешавшись так замысловато, что понять иногда, где кто, было затруднительно командованию обеих сторон.

Штабисты устали отмечать на картах, места дислокаций полков, которые сообщали свои координаты то одни, то другие. Фронт шевелился, смещаясь то на север, то на юг и "шевеление" это выглядящее на оперативных картах, как незначительные колебания, перемалывало сотни жизней рядовых солдат в минуты. Русские десантники и мотострелки стояли насмерть и даже, при первой же возможности, бросались в контратаки, неся огромные потери, но не давая, тем не менее, немцам сосредоточиться, упорядочиться и согласовать свои действия. Обстановка в этом районе, напоминала кипящий котел, в который обе стороны сыпали людей и технику, как два свихнувшихся повара на перегонки и что попало. И, разумеется, что конечный результат ни кому не был виден и понятен. "Котел" кипел, булькал и даже подпрыгивал, но "варево" в нем приготавливавшееся на вкус было отврати-

тельным, кровавым и чрезвычайно горячим. Задачу дивизии немцев не выполняли, снизив темп наступления до предела, и несли потери чудовищные, не успевая эвакуировать своих раненых и оттаскивать убитых. "Курская мясорубка", похоже, именно в этом месте раскрыла свое главное жерло и торопливо перемалывала живую силу и технику наступающей Группы Армий Юг. Эрих фон Манштейн, рвал и метал, не успевая оценить оперативную обстановку, меняющуюся кардинально иногда в течение получаса. Авиаразведка доносила неутешительные новости о том, что русские осуществляют передислокацию огромных масс войск. Особенно беспокоило Генерал-Фельдмаршала сообщение о том, что в сторону этой "мясорубки" двигается резервная танковая армия русских с порядковым номером пять.

– Сталин послал в бой свою гвардию – армию этого генерала Ротмистроффа. Тысяча танков, – хватался за голову командующий. – Где ассы Геринга? Где массированные бомбежки коммуникаций? У русских бесперебойно функционируют железнодорожные ветки. Удивительно, что их танки еще не вышли на южный фас и это просто наше счастье и удача, что их командование переоценивает возможности Люфтваффе. Как докладывает разведка, они гонят танковую армию своим ходом, не считаясь с потерей моторесурсов. Это дает нам надежду, что половину техники они оставят на обочинах дорог. Но у них танков много. Русские могут позволить себе такую расточительность. У нас нет столько,

сколько они могут бросить в кюветах. Преимущество второе, по последним сведениям Абвера. Если бы я знал истинное положение и соотношение сил, я бы никогда не согласился возглавить эту обреченную на провал авантюру с идиотским названием "Цитадель". Я бы застрелился,— орал Манштэйн, швыряя остро отточенный карандаш в разрисованную стрелами карту. Штаб лихорадило. У разложенной на огромном столе карты столпились штабные офицеры, внося изменения в дислокации противника. Сведения поступали ежеминутно и не только со связными, но и по радио. Генерал-Фельдмаршал прошел в палатку радистов и принялся лично обзванивать командиров дивизий, интересуясь свежайшими впечатлениями и пытаясь составить для себя истинную картину происходящего. Часы на его руке показывали ровно час времени после полудня и, Манштэйн приказал подать ему обед прямо на рабочее место.

— Герр Генерал-Фельдмаршал, здесь аэродром Z-6, срочно требуют вас,— обратился к нему один из радиотелефонистов, протягивая трубку.

— Манштэйн,— коротко представился Генерал-Фельдмаршал.

— Докладывает бригадефюрер Гюнтер фон Манштэйн,— услышал он голос кузена сквозь треск радиопомех.

— Слушаю, Гюнтер,— потеплел взглядом командующий. Кузена он уважал, ценил и рад был слышать его голос.

— Все очень плохо, Эрих. Русские наступают. Они взяли

аэродром в кольцо, блокировав все подступы. Ведут обстрел из ротных минометов. У нас большие потери и заканчиваются боеприпасы. Просим помощи.

– Сколько там этих русских?– Манштэйн №1-н побледнел.

– Примерно два полка пехоты и полк танков,– ответил Манштэйн №2-а.

– Ждите. Немедленно отправляю к вам 3-ий танковый корпус,– принял нелегкое решение командующий, пожертвовав свой неприкосновенный запас, последний танковый резерв, который из всех сил берег вторые сутки и не вводил в бой.

– Спасибо, брат,– донеслось до его ушей едва слышно.– Мы верим, что Родина не оставит нас погибать здесь беспомощных и безоружных.

– Держитесь. Родина помнит о вас,– прослезился Манштэйн №1-н, смахивая со щеки скупую Генерал-Фельдмаршальскую слезу. В следующие полчаса он, забыв об обеде, лично проследил, чтобы корпус незамедлительно выступил в указанном направлении. Командиру же "Лейбштандарта" бригадефюреру Теодору Вишу было срочно передан приказ о переходе к обороне и приостановке фактически операции "Цитадель".

Вишь, сидящий в командирском "Тигре II", выслушал дешифровку с каменным лицом и потерявшая к тому времени треть техники дивизия СС панцергренадерская, принялась

зарываться в землю. Одновременно отбиваясь от русских, бросавших в контратаки свою пехоту. Фронт замер и начал "костенеть", в буквальном смысле этого слова... А на левом фланге сороковой армии деревушка Лаптево и вовсе "закостенела" настолько, что сотни трупов, покрывшие подступы к ней, самым наглядным образом отбивали охоту наступать в этом направлении гренадеров Вермахта. Попытка обойти деревушку, закончилась так же полным фиаско. Вдоль берегов речушки Ворсклы немцев встретили настолько жестко, что пересечь ее не удалось ни одному гренадеру и, понеся серьезные потери, они вынуждены были оставить этот маневр не завершенным. В ночь на шестое июля они попытались совершить ночной прорыв, что было нетипично для Вермахта. Но опять нарвались на убийственный огонь, бдящих русских и, более того, получили встречный ночной бой, в котором понесли такие серьезные потери, что весь день 6-го июля приходили в себя и подсчитывали потери. Санитарные поезда потянулись в сторону Харькова, битком набитые ранеными. А русская батарея из двух огнеметных танков, маневрируя, появлялась то в одном, то в другом месте, по долгу не засиживаясь на одном месте и наводя панику на сидящих в обороне немцев. Прорыв превращался в "котел" и первые признаки уныния и растерянности уже появились в настроениях рядового личного состава, потерявшего веру в свое командование, в гений Фюрера и в "сверхоружие", которое оказалось не столь эффективно, как надеялся генералитет.

– Вот у иванов точно "сверхоружие", "Органы Сталина" чего только стоят, – ворчали ветераны, выковыривая ножами тушенку из вскрытых банок. – А эти их огнеметы – это вообще "драконы", я сам видел, как этому монстру в ходовую часть попал снаряд. Взорвался прямо между катков, а он даже не подпрыгнул. Попер себе дальше. И стреляет какой-то дрянью, которую невозможно потушить. От Ганса и Фридриха ничего почти не осталось. Каски, бляхи и термоса. Даже винтовки расплавились. Сгорели в один момент.

– А ты что же? Гранатой нужно было, – шарфюрер устался на шутке эсэсмана с превосходством командира, знающего что делать. Сам шарфюрер только что прибыл с пополнением, и в боях не участвовал, поэтому никак в толк не мог взять, как это два танка могут сдерживать наступление целой дивизии. Заставив ее обходить, трястись и зарываться по уши в землю.

– Продемонстрируй, – предложил ему стрелок. – Держи, – протянул он болванку противотанковой гранаты. – Железный крест наверняка командование не пожалеет за такой подвиг. Не берут его снаряды. Слышал, что я рассказывал? А граната ему... – Гренадер сплюнул зло... – как носорогу поцелуй в зад, – шарфюрер с сомнением слушал "рассказни паникеров" и полчаса спустя уже строчил донос труппенфюреру с подробным изложением имен впавших в депрессию сослуживцев. Командир взвода – оберштурмфюрер, по совместительству воспитатель – труппенфюрер, внимательно прочи-

тав донос, нахмурился и порвав его на мелкие клочки, швырнул их под ноги шарфюрера.

– Сделаем так, шарфюрер. Ты парень шустрый, героический можно сказать. Медаль и две нашивки за ранения имеешь, значит, писанину эту прекрати, а на личном примере завтра же и покажешь остальным, как нужно уничтожать русские танки. Я в тебя верю,— потрепал отечески по небритой щеке и уполз в спешно отрытый и восстановленный русский блиндаж. А когда шарфюрер попытался сунуться следом, то получил без лишних объяснений от его денщика Адольфа сначала тычок болезненный в грудь, потом несколько встряхиваний и в заключение пинок под зад коленом. Адольф не отличался многословием, был парнем угрюмым и предпочитал словам практические действия, произнеся всего одно: – Проваливай,— шарфюрер потер ушибленный зад, поскреб за ухом, прикидывая свои шансы, против Адольфовых, и закурив сигарету, решил не связываться с дебилом, у которого на лице было такое выражение, будто он только что живьем сожрал собственную матушку.

– На зло вам, ночью сползаю и танк этот русский взорву,— принял он героическое решение и после ужина уполз с рядовым Шульманом в сторону русских позиций. Шарфюреру с рядовым, везло с самого начала. Они пробороздили животами метров двести ничейной земли усыпанной всякой взрывоопасной гадостью и вполне благополучно затаились в пятидесяти метрах от русского танка, башня которого про-

сматривалась, темнея на фоне неба, с торчащими стволами пушки и пулеметов. Пулемет – один явно зенитный, задран был вверх, а ствол пушки наоборот, опущен вниз, сливаясь с башней, но привыкшими к темноте глазами немцы явственно разглядели его устрашающий калибр. Такой шарфюрер видел на новых танках Панцерваффен и ткнул в бок Шульмана: – Сто двадцать миллиметров калибр. Обойдем справа, Эрнст, приготовь гранаты, – на расстоянии броска, когда шарфюрер уже собирался швырнуть гранату и привстал для этого на колени, он увидел, что рядом с танком мнется явно кто-то из экипажа. Очевидно, русские выставили караульного и шарфюрер решил взять "языка", который был бы лучшим доказательством его ночного подвига. Двинув в плечо кулаком Шульмана, он жестами объяснил порядок действий и ящерицей скользнул в сторону русского танка, обползая его слева. Рядовой проделал тот же маневр, огибая машину справа. Первым он и прыгнул, оказавшись за спиной беспечно стоящего русского, нанеся удар ему по голове прикладом винтовки. Приклад попал точно в затылок ротозея и винтовка чуть не вылетела из рук Шульмана, будто он со всего маху врезал не по голове, а по броне танка. Русский даже не шелохнулся, получив сокрушительный удар в голову, но рассвирепев, так врезал в ответ со всего маха опешившему Шульману в лоб, что рядовой, отлетев метров на пять, дальнейшие события пропустил, выбыв из реальности минут на десять. Когда же он пришел, наконец, в себя и со стоном про-

драл глаза, то увидел, что находится в блиндажке, довольно ярко освещенном электрической лампой и рядом с собой с трудом узнал, лежащего пока без сознания, шарфюрера. Больше никого рядом не было и Шульман принялся трясти шарфюрера за плечо.

— Отто, Отто,— тормошил он его, но Отто безжизненно мотал головой и пускал слюни изо рта на униформу цвета фельдграу.

Эрнст потряс шарфюрера, шипя ему в ухо его имя, но кроме увеличения потока слюней ничего не смог добиться положительного, поэтому принялся вертеть головой, осматривая убогую нору с земляными стенами, но зато качественными бревнами потолка. Эти русские не поленились и приперли сюда солидного диаметра стволы и они, неошкуренные, давили солидно сверху, гарантируя безопасность. Оружия и снаряжения он в блиндаже не обнаружил и, вообще из предметов самым тяжелым была солдатская фляга в сером чехле, висящая на гвозде, вбитом в потолок и загнутом крюком. Четыре ящика из-под снарядов, заменяющие мебель, оказались набитыми грунтом, плотно утрамбованным до каменной твердости и, были так же не пригодны в качестве оружия из-за неподъемной тяжести. Эрнст, проведя ревизию их всех, попробовал оторвать крышку от одного, но крышка была прикреплена металлическими петлями намертво и отрываться не пожелала. Эрнст сорвал флягу с гвоздя и потряс ее. Алюминиевая солдатская фляга была пуста и, использовать

ее в качестве оружия можно было бы конечно, если насыпать внутрь земли, но Эрнст от этой мысли отказался, не сумев открутить намертво завинченный колпачок-крышку.

Вход в блиндаж, завешанный плащ палаткой, выделялся зеленым квадратом и Эрнст подкрался к нему, стараясь не дышать и чутко прислушиваясь к звукам. Звуки доносились вполне обычные, военные. Хлопали периодически и шипели ракеты осветительные, да пулеметные расчеты лупили дежурными очередями с промежутками в пять минут. Короткие очереди перелаивались, как деревенские собаки в ночи и солдатики с той и другой стороны дрыхли под них спокойно и крепко, скрючившись в окопах, ходах сообщений и блиндажах. Голосов или шагов поблизости Эрнст не услышал и осторожно выглянул в щелку, уцепившись за полотно, дрожащими от волнения пальцами. Ночь сунулась в щель темная и опасная, дохнув в лицо Эрнсту прохладой и пороховой вонью.

— Что, Фриц, очухался?— раздался сразу голос из этого вонючего мрака и Эрнст испуганно отпрыгнул назад, спотыкаясь о тело Отто и теряя равновесие. Он еще барахтался, ошеломленный падением, а в блиндаже уже появился русский, в черном комбинезоне и шлемофоне. В руках у него была винтовка и он довольно дружелюбно осведомился: — Хреново, Фриц?— смотрел русский без злобы, с любопытством рассматривая пленного и Эрнст, поднявший руки, начал их опускать, присматриваясь к врагу из-под козырька

касски внимательно и настороженно.

Он понял, что русский использует в обращении к нему собирательное имя и не стал уточнять, как его зовут на самом деле. Фриц? Пусть Фриц. А русский расселся на ящике снарядном, вытянув ноги в ботинках и отставив беспечно винтовку в сторону, протянул ему пачку сигарет со звездой:

— Кури, Фриц. Повезло тебе сегодня, на меня нарвался,— русский снял шлемофон и Эрнст понял, что перед ним очень пожилой русский. Его коротко стриженные волосы были почти белыми от седины и глаза этого хорошо и долго прожившего человека, смотрели прищурившись устало и с пониманием: — Что, сынок, не устал еще воевать?— спросил русский и полез в карман за зажигалкой. Чиркнул по колесу, извлекая пламя и подождав пока Эрнст пыхтя, прикурит, убрал ее обратно.

— Их бин ниht ферштеен зие,— на всякий случай сказал Эрнст, затягиваясь дымом и заходясь кашлем от его ядрености.— О-о-о!!!— выдал он свое мнение о качестве русского табака и танкист понимающе кивнул седой головой.

— Крепкий табачок, не то, что ваш эрзац. Фюрер ваш, сам не живет и народу не дает. Вы немцы, самая дисциплинированная нация в мире, на таких только воду возить. Тянете покорно. А если вам еще сказать, что вы самая породистая скотина, то вы это еще и с песнями делаете. Дойчланд, Дойчланд убер аллес. Ферштейн?

— Я, я!— согласился Эрнст ни чего не поняв из того, что го-

ворит этот седой танкист про Германию. Плащ палатка снова распахнулась и в блиндажик протиснулся еще один танкист, в таком же черном комбинезоне без знаков различия и с термосом в руках.

— Силиверстович, я кофейку принес. Ну и кое-что перекусить. Гутен таг,— кивнул он Эрнсту и тот машинально ответил: — Добрый день,— второй русский был тоже пожилым и даже с седой бородкой, совершенно нелепо торчащей из шлемофона, но этот совершенно свободно говорил по-немецки, на языке, правда, академическом. Эрнст некоторых слов не понимал и сделал вывод, что этот русский очень образованный человек и изучал немецкий не иначе как в университете. Но это он понял некоторое время спустя, а сейчас с интересом наблюдал, как на снаряжном ящике расставляются кружки и раскладывается нехитрая еда. Запах кофе, настоящий, давно забытый на войне, заполнил тесное помещение, забытым же домашним уютом и теплом. Эрнст проглотил набежавшую слюну и, взяв обеими руками горячую кружку, сделал пару глотков. Война, кровь, смерть, взрывы и скрежет зубов, все куда-то пропало и Эрнст почувствовал себя вдруг маленьким мальчиком, сидящим за столом в родном доме и он, закрыв глаза, вдыхал запах кофе и ему не хотелось их открывать.

— Ишь, пригорюнился немец-то,— кивнул на него Силиверстович.— Лет двадцать, пацан совсем сопливый. Не бредется еще, а людей пади на тот свет отправил немеряно.

– На войне мальчишки быстро взрослеют, Силиверстович. Я вон помню, тоже в его годах, так же вот из огня, да в полымя... Из лагеря, да на фронт.

– Ну, он-то вряд ли из лагеря. От маминой юбки скорее всего. Вот и пыхтит. Вспомнился пади дом. А второго ты, я смотрю, приложил бедолагу так, что скоро слюнями изойдет. Может голову проломил и врачебная помощь требуется? Осмотреть бы паршивца на предмет травмы.

– Да я ему ладошкой легонько приложился по каске, оглушил немного. Полежит, да и придет в себя. Контузило, очевидно. Это не смертельно. Дышит вполне размеренно. Возможно, что уже пришел в себя и притворяется шельмец, – возразил Федор Леонидович. – Вас как зовут, молодой человек? – обратился он к Эрнсту.

– Эрнст, – поспешно представился немец.

– А меня Федором. Теодор по-вашему. Вы не откажите в любезности, взгляните, что там с вашим товарищем? Шепните ему на ушко, что мы его расстреливать не станем. Пусть встает и присаживается. Сейчас мы ему спроворим грамм сто согревающе-бодрящего и все, как рукой снимет, – Эрнст послушно склонился над Отто и, подергав его за ворот, шепнул:

– Отто, здесь простые танкисты, нормальные люди. Вставай, они предлагают горячий кофе и еще чего-то для бодрости, – Отто открыл левый глаз, подобрал слюни и, приподняв голову, с минуту оценивал диспозицию. Раскладка ему

явно не понравилась и он, скривившись от головной боли, сел. Кружку, в которую русский набулькал из фляги прямо в кофе что-то "бодрящее" принял с явной неохотой, будто одолжение делая и принялся хлебать горячий кофе с коньяком пополам, обстоятельно и без особого фанатизма. Голова у Отто гудела и изображение слегка плыло, но кофе с коньяком явно подействовал на вестибулярный аппарат благотворно и Отто пробулькал:

– Данке.

– Не за что,– откликнулся Силиверстович, подсовывая ему ломоть черного хлеба намазанного толстым слоем тушенки.– Рубай на здоровье,– Эриху Силиверстович соорудил такой же бутербродище и, оба стрелка Ваффен СС, принялись жевать русский паек, запивая его горячим кофе, сопя и хлюпая.

Глава 2

Михаил пристально взглянул в глаза гауптштурмфюреру Клюгеру и кивнул ему ободряюще: – Ну, что там за информация у вас эксклюзивная? Если я не ошибаюсь, вы хотите доложить о недопустимых поступках вашего начальства, которое использует свое служебное положение в корыстных целях. Верно?

– Так точно!– обрадовался Клюгер.– Именно об этом. Заправляет всем здесь бригадефюрер и я как член национал-социалистической партии считаю своим долгом сообщить о случаях превышения и злоупотребления.

– Докладывай,– разрешил Михаил.

– Здесь на аэродроме все складские помещения забиты неучтенными музейными ценностями, гауптштурмфюрер. Их отправляют периодически с оказией в Германию и Рейх не получает от этого ничего, кроме накладных расходов, которые покрываются за счет Вермахта.

– Вот как? И что за ценности сюда свезены? Откуда?– заинтересовался Михаил.

– В основном из музеев Харькова, но есть и из других городов, а также из эшелонов эвакуационных, захваченных у русских и переправленных сюда. На складах скопились сотни тонн и все неучтенное. Значится, как вещевое имущество.

– Воруют у народа? Ну что ж, благодарю за службу, гауптштурмфюрер. Негодяи будут примерно наказаны, а вам за сознательность я думаю, руководство объявит благодарность и наградит, как положено. Хотите в отпуск, гауптштурмфюрер? Вижу, что не против. Вы откуда родом? Из Бремена? Ну, что же, поезжайте, – Михаил порылся в сейфе и заполнив отпускные документы, разлепив руки Клюгера, сунул их ему в руки.

– Пару месяцев достаточно?

– Сейчас, немедленно? – удивился начальник штаба батальона.

– Ну да. Чего ждать? Поезжайте прямо сейчас.

– А как же?! – гауптштурмфюрер покрутил головой, намекая на окруженный гарнизон.

– Ах, это? – не беспокойтесь. Вас пропустят. Я дам команду, –

ничего не понимающий гауптштурмфюрер растерянно улыбаясь, спросил: – А русские? Им тоже скомандуете?

– Какие русские? Нет там никаких русских. Там Ваффен СС, сцепилось с Вермахтом. Вермахту не нравится, что Ваффен СС оставляет им свои накладные расходы. Обидно Вермахту. Вы думаете, что про эти ценности только вам известно, а командование не в курсе? Ошибаетесь. Отлично известно. Вот почему мы здесь, – Михаил начал сам уже путаться в той ахинее которую нес и, щелкнув пальцами, протянул Клюгеру пакет с десятком сургучных печатей.

– Вас мы не просто отправляем в отпуск. Мы отправляем вас, как спец курьера в Берлин. Явитесь с этим пакетом в Рейхсканцелярию и сдадите в отдел личной почты Фюрера. Это послание ему. Вы понимаете, какую ответственную миссию мы на вас возлагаем?

– Хайль Гитлер,— подпрыгнул Ключер.

Михаил осмотрел его с ног до головы и остался доволен выправкой. Выдал гауптштурмфюреру сто тысяч марок отпускных – командировочных, и спровадил, собираться. Ключер выскочил из радиорубки сломя голову и вернулся через десять минут в полной готовности следовать в Берлин.

– Транспорт любой возьмите, какой сочтете нужным и проваливайте. По дороге нигде не задерживайтесь. До свидания.

– Я возьму Опель бригадефюрера и напрямик до Харькова,— сориентировался Ключер.

– Молодец,— Михаил вскинул руку, гаркнул "Хайль" и гауптштурмфюрер вприпрыжку помчался в гараж.

Через пять минут он уже выезжал с территории аэродрома, высунув белый флаг и беспрепятственно проскакивая через все рубежи Ваффен СС и Вермахта. Ни кому в голову не пришло останавливать парламентаря в немецкой форме. А еще через две недели Ключер вручил пакет в Рейхсканцелярии дежурному офицеру и тот, приняв спец почту, забыл записать в журнал фамилию курьера. На стол Фюрера пакет попал с утренней почтой и первым его опять увидел Мартин

Борман. Что-то знакомое почудилось ему в этом конверте и он поколебавшись решил его вскрыть, хоть на конверте и была надпись:— "ЛИЧНО ФЮРЕРУ В РУКИ".

— Как и в прошлый раз если, то лучше выкинуть и не показывать,— бормотал Мартин Борман, вскрывая почтовым ножом конверт. События на Восточном фронте мало приносили радостей в последнее время, и Фюрер пребывал в расстроенных чувствах. Жаловался на плохое самочувствие, волочил ногу и вообще отвратительно выглядел.

Новостей хороших, если честно, вообще не было. Какие-то мерзавцы напали на прошлой неделе даже на самую защищенную резиденцию Фюрера в центре Германии, в Баварии и устроили там настоящий террор. Кое-что им даже удалось взорвать и сжечь. Борман сжал кулаки так, что побелели пальцы и стукнул ими по столу. Манеру эту он перенял от Фюрера, который в гневе был страшен.

— Спокойно, Мартин, спокойно,— сам себе дал установку Борман и вскрыл конверт. В конверте оказался лист бумаги совершенно белый с обеих сторон.

— В прошлый раз было что-то написано и, бумага у конверта была необычная, очень крепкая,— вспомнил Борман подробности.— И конверт был с рисунком, а этот...— Борман повертел конверт, убеждаясь, что кроме десятка марок на нем ничего больше нет.— А этот вполне обычный. Сургуча многовато, пожалуй,— Борман принялся разглядывать марки, но они тоже оказались обычными почтовыми, разного

достоинства, с профилем Фюрера. И "самый личный секретарь", пожав плечами, собрался было уже швырнуть пустой лист, совершенно не несущий какой либо информации в мусорную корзину. И уже скрючил пальцы, чтобы смять его в ком, но на белоснежном листе вдруг появилась линия, за ней еще одна и Борман замер со скрюченными пальцами, занесенными над бумагой.

"Тайнопись", – сообразил он, наблюдая за процессом проявления короткой надписи и рисунка под ним.

Надпись опять была на русском и всего из нескольких слов. Борман поморщился. Русский он учить не собирался. Зачем его учить, тратить время на этот язык недочеловеков, если под рукой всегда есть переводчики?

Рисунок тоже был непонятен Мартину. То что на нем изображен фюрер, он, конечно, сразу понял, узнав его по косой челке и усикам, но вот почему в нос этому карикатурному изображению уперся палец высунутый из сжатого кулака, было ему не понятно. Борман взял лист с появившимся рисунком в руку и, взглянул на него с обратной стороны, но там он по-прежнему оставался девственно чист. "Очень личный секретарь" вздохнув, принялся разглядывать рисунок, пытаясь понять, что же означает этот загадочный рисунок и стоит ли его показывать Фюреру.

"В прошлый раз Фюрер очень был расстроен", – вспомнил он обстоятельства передачи Фюреру предыдущего похожего послания и последствия, которые имели место. Очень нега-

тивные.

Мартин Борман поскреб гладко выбритый подбородок и задумался, тяжело и даже угрюмо. Лицо его приняло это озабоченное выражение и свидетельствовало, что решение даётся "самому личному секретарю" нелегко.

"Не отдашь если то... а вдруг донесет кто-нибудь?" – Борман оглянулся, меняя угрюмое выражение на обеспокоенное. "Кругом глаза и уши", – даже в своем кабинете сегодня он был не уверен, что за ним не наблюдают.

"А вдруг!" – мысль эта пришла в голову, как здравомыслящая и Борман решительно надавил пальцем на кнопку, вызывая своего сотрудника-секретаря.

– Переводчика с русского языка ко мне, – распорядился он и секретарь, щелкнув каблуками, исчез за дверью. Переводчик появился через минуту, облизывая жирные губы. Борман оторвал его от завтрака и переводчик, прибежал, дожевывая дежурный бутерброд на бегу.

– Переведи, Пауль, – сунул ему лист Борман.

– Тут написано по-русски. – "Ты снова в дерьме. Твои Карл и Фридрих", – перевел Пауль.

– Та-а-а-к, – Борман опять принялся скрести подбородок. – Фраза была явно оскорбительного свойства и перед ним снова остро встала дилемма. – "Вручать или не вручать"? Принц Датский Гамлет в пьесе Шекспира со своей "Туби оно туби", пожалуй, посочувствовал бы сейчас "самому личному секретарю" Фюрера, у него, пожалуй, острота была более ре-

альной. Фюрер мог разгневаться, забыть все заслуги и припомнить все промахи. Борман сунул злополучный лист бумаги с рисунком в конверт и положил его в папку с корреспонденцией, сунув предусмотрительно опять в самый низ.

"Может наши успехи как-то сначала смягчат сердце Фюрера и он воспримет это послание юмористически?" – подумал Борман, надеясь, что несколько стабилизировавшееся положение на фронтах в последнюю неделю, сгладит негативные известия. А утаить послание, да еще с тайнописью он уже не мог, показав его переводчику и ознакомив Пауля с содержанием.

– Пойдете со мной на доклад к Фюреру, – сухо бросил он ему, поднимаясь со стула.

– Слушаюсь, – вытянулся Пауль и кинулся открывать перед "самым личным секретарем" предупредительно двери.

Фюреру с утра нездоровилось и, только уступив настоятельному требованию Евы Браун, он за завтраком выпил стакан сока с крекером. События последних недель, навалились на Фюрера и буквально ухудшили его и без того отвратительное здоровье. Врачи, правда, заявляли, что все в порядке и причина плохого самочувствия отнюдь не в нарушении физиологических функций организма, а скорее психологического свойства, прописав массу успокоительных депрессивных медикаментов, список которых занял целую страницу, заполненную убористым почерком личного врача. Теодор Морелль – личный врач, всегда считал, что все причи-

ны болезней Фюрера являются следствием истощения ки-
шечно-желудочного тракта, которое в свою очередь вызвано
переутомлением нервной системы. Доктор пропагандировал
применение, для излечения таких заболеваний, биологиче-
ские витамины и амфетамины. Морелль всегда имел у себя
под рукой запас этих чудо средств, выделенных из кишечни-
ков лучшего поголовья скота. И не абы какого, а выращенно-
го в экологически благополучных районах союзницы Герма-
нии – Болгарии. Болгарские крестьяне, сдавая выращенных
бычков на убой и представить себе не могли, что помогают
сохранить здоровье Великому Фюреру. Список лекарств на-
значенных Гитлеру его лечащим любимым врачом, уже пере-
валил за третий десяток и некоторые близкие ему люди, на-
чали косо посматривать на Морелля, считая "свиньей", как
Ева Браун, "негодяем и имперским укольщиком", как Гер-
ман Геринг и "отравителем", как Карл Брандт. Все трое бы-
ли правы и дальнейшие события исторические это подтвер-
дят. Но пока Морелль был в фаворе и пользовался благо-
расположением Фюрера в своих корыстных целях на всю ка-
тушку, открывая фармацевтические фабрики по всей Герма-
нии и снабжая население Рейха своими витаминами и меди-
каментами, вырабатываемые из флоры кишечников живот-
ных. Даже "порошок от вшей", обязательный к использова-
нию во всех подразделениях Вермахта, выпускался на фаб-
риках этого оборотистого доктора. Назвал он этот порошок
"русским", очевидно намекая на то, что в основном на Во-

сточном фронте водятся эти паразиты. 1943-ий год таким образом был для "авантюриста-свиньи-доктора" звездным. И пользуясь тем, что Фюрер запретил в своем окружении обсуждать его персону, а тем более методы лечения им избираемые, Теодор Морелль, пользовался этим самым бессовестным образом, увеличивая список медикаментов и их дозы при лечении своего самого высокопоставленного пациента. Вот и сегодня он находился рядом с Фюрером в подземном бункере и сам лично сделал ему все необходимые уколы. Амфетамины, вколотые лошадиной дозой, совершили очередное "чудо", проявившись в эффекте эмпатии. Эмпатогенный эффект, создающий ощущение благополучия, открытости и эмоциональной близости с другими людьми был необходим Фюреру в его многотрудной жизни. Мореллю эмпатия тоже была нужна, как воздух, но исключительно в тщедушном теле Рейхсканцлера. В своем теле ему хватало присущего ему по жизни собственного оптимизма. Самоуверенность плескалась в его свиноподобной тушке и светилась в глазках задорным огоньком.

Балагур и жизнелюб Теодор был из тех людей, которые "сделали себя сами", собственным умом и предприимчивостью проложив дорогу к благополучию и высокому положению в обществе двуногих конкурентов.

Весельчак от природы, этот человек был одновременно "себе на уме" и, будучи многословен, говорил только то, что нужно и ни в коей мере не вредящее ему "любимому". Этот

своеобразный талант Морелль использовал на все сто процентов и благодаря ему процветал последние восемь лет. Впервые он был представлен Фюреру в 1935-ом и помог ему преодолеть нервный срыв, завоевав сразу доверие и благо-расположение, продлившееся девять лет.

И сегодня ничто не омрачало налаженные отношения, установившиеся между диктатором и его лечащим врачом. Фюрер, получив очередную дозу амфетаминов и впад в эмпатию, мило улыбался и даже назвал Морелля своим добрым ангелом-хранителем, на что тот весело рассмеялся и заверил, что не пожалеет крыльев до последнего перышка, чтобы лететь к своему обожаемому пациенту в любое время суток. Насмешил Фюрера этими "перышками" и был удостоен высочайшего похлопывания по тугому плечу. Фюрер, перестав волочить ногу и трястись, довольно бодро прошел к своему рабочему столу. Там он принялся работать с текущими документами, отпустив доктора Морелля и пожелав ему удачного дня. Тихо прикрыв за собой дверь в кабинет Рейхсканцлера, доктор прошел в свой кабинет, который находился рядом и, сняв халат, принялся мыть руки, весело насвистывая фривольную песенку, которая вертелась у него в голове с самого утра. Слов Морелль не знал, потому что песенка была французской и пела ее Эдит Пиаф, но мелодия ему понравилась и он мурлыкал.— Парам, парам, парам, парам пам пампарам.

Слух у Морелля музыкальный отсутствовал и как все, ко-

му "наступил медведь на ухо" он перевирали мелодию, так что понять какую из песен "Парижского воробышка" он "парамкает" было затруднительно. Тщательно отмыв руки и вытерев их полотенцем сомнительной свежести, Морелль снял белый халат и направился к входной двери, с намерением покинуть подземную канцелярию и пройтись по городу. Подышать, развеяться и встретиться с одной весьма симпатичной особой, которая, вчера согласилась, наконец-то, на встречу в неформальной обстановке.

Продолжая мурлыкать, доктор прикрыл за собой дверь и учтиво поклонился, появившемуся с папкой под мышкой и в сопровождении переводчика, Мартину Борману. "Министр без портфеля и очень личный секретарь" Фюрера был единственным человеком из ближнего круга, с которым у доктора сложились вполне терпимые отношения. Не дружеские, отнюдь, но и неприязненными их назвать было нельзя. Более того, по рекомендации Фюрера он был единственным, кто внял его совету и обращался к Мореллю за врачебной помощью. Остальные кивали, но рекомендациями Фюрера пренебрегали. Особенно демонстративно и пренебрежительно вел себя Геринг. Он, даже здороваясь с Мореллем, презрительно кривился и называл его не иначе как, "господин имперский укольщик".

И Морелль вынужден был сносить эти насмешки, так как Геринг являлся наци №2 и даже Фюрер не смог бы защитить своего личного врача, если бы Герман решил, что тот опасен

для него лично. Но пока Геринг был уверен лишь в том, что от "лечения бычьими яйцами" Фюреру такая же польза, как мертвому от припарок и позволял Мореллю, лизать Адольфу Гитлеру зад. С Борманом, однако, Геринг не мог вести себя так же как с личным врачом. Этот проныра, хоть и во- нял как прокисший сыр, но слишком набрал за последние годы влияния и не только на Фюрера, но и был кое в чем уже просто незаменим. И его Геринг с удовольствием увидел бы в числе своих сторонников, тем более что Борману хватало ума не выступать против Рейхсмаршала явно. В заку- лисье Третьего Рейха шла грызня за власть. За явную и тай- ную. За власть настоящую и будущую. Борьба корыстолю- бивых негодяев и узколобых приверженцев кровавой идео- логии. Возня эта, перетасовывала персонажи, как карты в колоде и каждый, возомнив себя козырным тузом, осталь- ным отводил роль в лучшем случае козырной шестерки. В этой колоде место для доктора-шарлатана было определено Рейхсмаршалом одно из самых последних, и он искренне удивлялся, слыша его имя все чаще и чаще. Место даже ко- зырной шестерки для этой свиньи, казалось Герингу чрез- мерно высоким в политической колоде Рейха. Но Морелль будучи свиньей в бытовом смысле, не был глуп и понимал, что Фюрер рано или поздно от его лечения предстанет пе- ред Создателем, а на его место Рейхсканцлера усядется кто- то из ближнего круга и не желая терять приобретенного за последние годы движимого и недвижимого имущества, тер-

пел издевательства Геринга, присматриваясь к прочим соискателям. Борман, по его мнению, вполне годился на эту роль и Морелль всячески демонстрировал ему свои симпатии.

— Добрый день, доктор, как самочувствие сегодня у Фюрера?— протянул ему руку Борман и Морелль, пожав ее, весело прищурил пороссячи глазки.

— Я сделал ему несколько инъекций и сейчас Фюрер бодр и жизнерадостен. Кризис миновал и я надеюсь, что это свидетельствует о том, что лечение мной назначенное, приносит положительные результаты.

— Хорошо,— обрадовался Борман.— Я попрошу вас о маленьком одолжении, герр Морелль, не могли бы вы отложить ваши дела на четверть часа? Боюсь, что Фюреру могут не понравиться некоторые сообщения из России. Он так раним. Ваша помощь может понадобиться, доктор.

— Я рядом,— кивнул с готовностью Морелль и присел на стул для посетителей. Борман признательно улыбнулся лечащему врачу Фюрера и указал переводчику Паулю на свободный стул рядом с ним.

— Ждите, Пауль, и будьте готовы, вас позовут.

Фюрер работал, он стоял, вцепившись в спинку кресла и, диктовал свою очередную речь стенографисткам, не успевающим ее записывать. Две девицы, поджав сосредоточенно губки, строчили в блокнотах, боясь пропустить что-либо и, испуганно дергались обе, понимая, что смысл ими давно утерян. Адольф и сам давно уже потерял нить логическую и,

прыгая с пятого на десятое, просто злословил, проклиная вся и все.

— Германия не позволит Англии, Америке и России диктовать миру политические приоритеты,— орал Гитлер, стуча себя кулаком в грудь.— Мы заставим этих евреев-большевиков считаться с нами. Армия и флот Германии, вот что заставит этих подонков быть покладистыми. Мы поставим их на колени и приведем к покорности всех. Плутократию Америки, дельцов с Уол-стрит и жидов-комиссаров засевших в московском Кремле. Нацисты, я — ваш Фюрер, долго терпел и, будучи миролюбив в душе, всячески старался найти пути к мирному сосуществованию с соседними странами. За прошедшие годы, мною не раз принимались решения самого миролюбивого свойства, позволяющие им протянуть нам руку дружбы, но что Германия видела в ответ? Агрессию, агрессию и агрессию. Довольно терпеть это вопиюще пренебрежительное отношение, сказал я себе...— Фюрер озвучивал очередную речь, обращенную к членам партии национал-социалистов. Увидев Мартина Бормана, он прервал словесный поток и, повернувшись к нему всем корпусом кивнул, протягивая руку и выхватывая нетерпеливо протянутую папку из его рук. Борман, не ожидавший такой жизнерадостности и прыти от эмпатогенно стимулированного Фюрера, папку протянутую отпустил не сразу и Фюрер нетерпеливо дернув ее на себя, сердито нахмурился.

— Ну?— нетерпеливо дернул папку более резко Рейхсканц-

лер и она, отпущенная Борманом, раскрываясь в полете, пронеслась над головами девиц-стенографисток, просыпаясь на их головы конвертами, телеграммами и прочей макулатурой. Девыцы инстинктивно пригнулись и кинулись собирать почту, разлетевшуюся по всему кабинету.

— Прошу прощения, мой Фюрер,— пробормотал Борман, оббегая Рейхсканцлера на расстоянии оговоренных трех метров и торопясь принять участие в сборе корреспонденции. Гитлер промолчал в ответ и, взяв конверт, упавший на сиденье его кресла, уселся молча и одел очки. Достав из конверта лист бумаги, уставился на рисунок с надписью на нем и спросил сварливым голосом:

— Что это? От кого?

— Это письмо доставлено в канцелярию сегодня утром, мой Фюрер, с курьером. Из России,— пояснил из-за его спины Борман.

— Опять?— амфетамины продолжали благотворно действовать на организм Фюрера и он воспринимал реальность пока вполне благожелательно.— Что здесь написано?

— Сейчас. Пауль ждет за дверью,— Борман поскакал к двери, подгоняемый в спину фразой Рейхсканцлера:

— Сюда и живо.

Пауль, поприветствовав главу государства и партии, прошел к столу и с готовностью перевел текст:

— Ты снова в дерьме. Твои Карл и Фридрих.

Гитлер, услышав перевод, начал медленно приподнимать-

ся из кресла, хватаясь за край стола. Но ноги, вдруг ставшие ватными, не желали разгибаться и он рухнул обратно.

– Повтори, что там написано?– прошипел Фюрер, хватая Пауля за рукав.

– Ты снова в дерьме. Твои Карл и Фридрих,– послушно повторил переводчик.

– Дай сюда,– Гитлер выхватил из его руки лист и уставился на свою карикатуру с кулаком и пальцем уперевшимся в нос.

– Русская дуля,– продемонстрировал хорошую память Фюрер и принялся рвать в клочья лист.– Дуля, дуля, дуля!!! На, на, на!!! – орал Рейхсканцлер, швыряя клочки бумаги в Бормана и Пауля.

– Зови доктора,– шепнул Паулю на ухо Борман и тот вылетел пулей из кабинета, а появившийся немедленно Морелль, подкатился колом к креслу Рейхсканцлера и захрюкал успокоительно и нежно:

– Мой Фюрер, успокойтесь, не принимайте близко к сердцу происки ваших врагов. Они спят и видят, как вы, потеряв хладнокровие, выпускаете рычаги власти из рук.

– Верно, верно, Теодор, они спят, они видят, они мечтают, они рычаги... мерзавцы. Это евреи. Нужно решить окончательно эту проблему. Всех ликвидировать.

– Мой Фюрер, примите вот эту пилюльку и вам сразу полегчает.– Морелль вытряхнул из флакона таблетку и протянул ее на ладони Рейхсканцлеру. Гитлер взглянул на пилюлю желтого цвета и, схватив ее, сунул в рот.

– Вот и хорошо, вот и отлично. Очень хорошо, мой Фюрер. Сейчас вам станет гораздо лучше. Сделаем вам пару укольчиков и ваша нервная система, получит помощь,— хрюкал Морелль, суется вокруг своего пациента и делая знаки стенографисткам, чтобы убирались прочь. Девушки выскочили из кабинета, вытаращив глаза и следом за ними поспешил Мартин Борман, но был остановлен Фюрером.

– Останьтесь, Мартин.

Борман замер, соображая, как следует понимать это обращение к нему. Дружеское или нет. Судя по интонации – нет, а судя по "Мартин" – да. Борман вернулся и послушно встал за креслом в трех метрах.

– Что там в Берхтесгадене?– пилюлина подействовала и Фюрер справился со своим нервным срывом.

– Все в порядке, мой Фюрер. Последствия нападения устранены, объект Х666Х, перемещен согласно предписанию.

– Расследование ведется? Что? Кто?– Фюрер выкрикивал вопросы нетерпеливо, впадая в истерику.

– Мюллер лично занимается. Привлечены лучшие специалисты,— заверил Борман.

– Что выяснено? Что конкретно?

– Пока ничего конкретного. Ни организаторов, ни исполнителей мы не знаем. Пожар ликвидировал все улики, если они там были,— вынужден был признаться Борман.

– Докладывайте, докладывайте, Мартин. Лично займи-

тесь этим делом. Все свои прочие дела оставьте вашим сотрудникам. У вас огромный аппарат. Вы кормите за счет Рейха армию дармоедов, которые не умеют и не хотят работать. Заставьте их или это сделаю я,— Гитлер стукнул кулаком по столу.— Это Карл с Фридрихом. Я чувствую. Всех Карлов и Фридрихов проверить на лояльность. Всех мужчин Германии призывного возраста с этими именами проверить. Немедленно. Где находились, с кем общались, что говорили, что пили, ели. С кем спали, отдыхали, воевали. Что вы стоите? Бегите!!! Стойте!!! Родственников и соседей этих Карлов и Фридрихов тоже проверьте. Что ели и с кем спали. Поставьте на ноги всю полицию. Пусть работают. Назначьте награду за поимку этих Карла и Фридриха. Миллион марок премию назначьте за каждого. Сам вручу с крестом и очередным званием. Идите! Стойте! Два миллиона марок! Идите!

Глава 3

Пятый день дивизии группы армий "Центр" топтались на рубеже Покровка – Сторожевое – Ржавец. Десятого июля немцы предприняли очередное наступление. Получив подкрепление накануне ночью и в 5.00 на рассвете, после полу-часовой артподготовки, дивизия "Лейбштандарт" форсировав речушку Псел силами 1-го и 2-го гренадерских полков, захватила на северном берегу плацдарм. И 1-ый танковый саперный батальон принялся наводить понтонную переправу, для прохода танков и в течение двух часов им это удалось осуществить в трех местах под прикрытием артдивизионов – 1-го зенитного и 1-го же реактивного. Через наведенные переправы первыми двинулся полк САУ /самоходно-артиллерийские установки/, и успешно преодолев речушку, прикрыл переправу танков, которые в количестве двух танковых полков, устремились следом, под огнем русской артиллерии и бомбами русской авиации.

Русские применили какие-то хитрые бомбы, которые буквально высыпали на танки в количествах невероятных.

В результате танковые полки несли невосполнимые потери, сумев переправить к 16.00, только половину техники, но и этого количества в 90-та единиц оказалось достаточно, чтобы прорваться сквозь оборону мотострелков и десантников. Шестая гвардейская, мотострелковая бригада и девятая

воздушнодесантная дивизия, легли под гусеницы "Тигров" и "Пантер", задержав их продвижение еще на три часа, что позволило командованию подтянуть резервы с Центрального фронта и остановить дальнейшее продвижение немцев на новом рубеже юго-западнее Прохоровки. "Лейбштандарт" зарылся в землю и службы тыла всю ночь пополняли израсходованные боевой техникой боезапас и горючее. Одиннадцатого июля обе стороны пытались переломить ситуацию в свою пользу, но в результате линия фронта осталась неизменной и брошенная в бой пятая гвардейская армия, ценой колоссальных потерь, закрепились на новых рубежах, вгрызаясь в землю. Русская пехота оказалась немецким танкам не по зубам, даже в наспех отрытых окопчиках для стрельбы лежа и пару десятков "Тигров" уныло догорали на поле боя, которое пока еще не названо "Танковым", но через день станет навсегда именоваться именно так.

Получив отпор и потеряв двадцать процентов техники, немцы отказались от наступления и так же сели в оборону.

Танки Панцерваффен спешно зарывались, прячась от русской артиллерии и авиации. Но кто-то там, наверху, у русских, принял решение срочно бросить пятую гвардейскую, устоявшую и зарывшуюся, в очередную контратаку... Очевидно, желая, помешать немцам укрепиться. И русская пехота послушно поднялась и под бодрые крики политруков, — "За Родину, за Сталина!!!" — поперла на пулеметы... Стволы пулеметов на немецких танках раскалились добела, отражая

эту лихую атаку и будущее "Танковое" поле превратилось в огромное кладбище...

Немецкие танкисты-пулеметчики не успевали менять ленты и экипажи задыхались от пороховых газов, с которыми не успевала справляться система вентиляции, недостаточно продуманная немецкими инженерами-конструкторами. Откуда им было знать, что пулеметам придется вести огонь непрерывно в течение часа, опустошая коробки, рассчитанные и заготовленные на несколько дней наступления? К вечеру одиннадцатого июля, у пятой гвардейской уже некого было поднимать в атаки, а у немцев кончились боеприпасы... Василевский Александр Михайлович. – Маршал СССР. Вот имя человека, который отдавал эти "гениальные" приказы и благодаря которому дивизии "Лейбштандарт" и "Тотен Копф" осталась без боеприпасов. И бедным немецким ЧМОшникам пришлось всю ночь их срочно доукомплектовывать практически до ста процентов. А это только снарядов двести пятьдесят ящиков. Не выпалились немецкие тыловики в ночь на 12-ое и вымотались смертельно. Экипажи танков тоже с этой доукомплектовкой всю ночь не смыкали глаз и по этой причине несколько утратили свои боевые качества и бодрость духа. Об этих днях столько снято фильмов, написано книг художественных и мемуаров, что противопоставив этому морю лжи правду, получим в сравнении каплю. Историки Советские и затем, подхватив эстафету, Российские, лгут на голубом глазу, впадая в крайно-

сти. А народ смотрит на телеэкраны с "киноопупеями" восьмидесятих годов и привычно восхищается великими полководцами, с чугунными затылками и квадратными подбородками. Правда потерялась за лживыми сводками Совинформбюро, лживыми отчетами о потерях, лживыми реляциями о победах. Сколько легло русских солдатиков на этих полях с недозревшей рожью, под Прохоровкой? Даже этого мы не знаем до сих пор. Бездарно проведенное контрнаступление, закончившееся разгромом шести полнокровных армий одной немецкой, вошло в историю Великой Отечественной войны, благодаря усилиям тысяч лжецов с генеральскими и маршальскими звездами на погонах, как пример стратегического превосходства и мощи Советских войск над фашистскими. Вот правда. А есть еще другая правда. Солдатская память. Они – выжившие ветераны ее помнят и плюются, когда на экранах политрук Ключков кричит надрывно. – "Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва", – перед тем как схватить с бруствера противотанковую гранату с корявой ручкой и, не выдергивая чеку, швырнуть ее под гусеницы Т-34-ой, замаскированной киношниками под "Тигра". Очевидно, артист устал от дублей и заколебался вынимать и вставлять чеку в муляж. И когда маршал Жуков, по-отечески заботясь о курсантах военного училища поднятых по тревоге, просит их продержаться пару суток с винтовками против танков, пообещав снабдить их шинелями, то женщины в кинозалах всхлипывают, а потом курсантики с песней выбива-

ют фашистов из деревни. Лихо с посвистом, чтобы лечь всем училищем под немецкие танки. А на КП за этим наблюдает командир полка и смахивает суровую командирскую слезу. Седина в висках, немигающий взгляд героя, все как полагается. Занавес. Кто пишет эти сценарии? А консультирует кто?

А вот правда из воспоминаний ветеранов...

"В то же время части 95-й гв. сд, несмотря на кардинально изменившуюся обстановку в пользу врага, отражая усиливающиеся атаки, продолжали выполнять приказ армии – наступали в южном и юго-западном направлениях. Но теперь цель изменилась: контратаки проводились не на плацдарм, а по флангам прорывавшейся вдоль северного берега Псёла боевой группы противника, в попытках остановить ее продвижение. Эсэсовцы понимали логику командования 95-й гв. сд и лишь только стрелковые цепи подымались в атаку, разворачивали против них танки. Как вспоминали очевидцы того боя, это было ужасное зрелище. Экипажи вражеских машин в упор расстреливали наступающую и беззащитную пехоту из пушек и пулеметов.

Стойкость гвардейцев раздражала противника, экипажи танков свирепели. Оставшиеся в живых ветераны рассказывали, что танки по несколько раз буквально утюжили гусеницами окопы. Заметив цель стрелка, танки наезжали на нее и крутили «пятаки», стремясь закопать бойца".

Офицеры штаба м.д. «Мертвая голова», описывая ситуа-

цию, сложившуюся утром в полосе дивизии, отмечали, что русские безоглядно посылали на ее позиции огромные массы пехоты без сопровождения танков с целью раздавить плацдарм. Участники того боя вспоминали, что это выглядело и ужасно, и странно. Когда твои позиции атакуют волнами сразу несколько сотен вооруженных людей, надо иметь крепкие нервы, чтобы не дрогнуть и не побежать назад. В тоже время атака пехоты, без должной огневой поддержки, на подготовленный к обороне рубеж моторизованной дивизии выглядит не выполнением боевой задачи, а самоубийством. Так считал наш противник, и надо признать – его оценки вполне справедливы.

Гвардейские полки наступали побатальонно, но наступлением это назвать было трудно. Связи батальонов с артчастями не было, поэтому подавить огневые точки перед атакой не удалось, как и не было сопровождения стрелковых цепей огнем. Лишь только роты, развернувшись, начинали движение, артиллерия неприятеля открывала ураганный огонь, нередко к этому подключалась и авиация. Пробежав несколько десятков метров, пехота залегала; лишь огонь затихал – цепи опять поднимались, и так несколько раз. Затем, когда полк с большим трудом преодолевал 300–400 м, противник предпринимал контратаку танками, боевые порядки батальонов рассыпались, стрелки наспех занимали свободные траншеи и воронки, а там, где их не было, пытались окапываться и приступали к отражению контратаки. Когда же танки отхо-

дили – пехота поднималась, и все повторялось вновь.

В 11.00 перед наступающим 1-м стрелковым батальоном вышли 17 танков противника, которые прямой наводкой начали вести огонь по боевым порядкам.

1-й сб сошел с южных скатов выс. 236.7 и повел наступление на выс. 226.6. В результате ожесточенного огня пехота залегла.

В 13.00 из района х. Веселого вышло 20 танков, которые курсировали по переднему краю, ведя непрерывно огонь по подразделениям и по восточным скатам выс. 226.6, затем вышло еще до 20 танков, которые оказывали сильное огневое сопротивление продвигающимся подразделениям".

Вскоре началась новая сильная атака эсэсовцев, в ходе которой все, что батальоны подполковника В.С. Накаидзе с таким трудом отвоевали, было оставлено врагу, а полк – рассечен на несколько частей. Какой смысл класть людей под танки без должной огневой поддержки, понять трудно. Но так было, и довольно часто. Наш противник знал эту особенность советского командования и пользовался ею, нанося советским войскам существенный урон.

«Первые дни в бою не многие способны были преодолеть в себе состояние шока. Командирам в стрелковой цепи стояло немало труда поднять таких в атаку, и нередко на поле боя можно было наблюдать картину, как командир роты, бегая вдоль цепи, поднимает каждого ударом каблука в зад. Подняв одного, бежит к следующему, и пока поднимает того,

предыдущий снова ложится – убитый или с испугу. Понятно, что долго бегать под огнем не мог и ротный, который также скоро выбывал из строя. Когда до основания выбивали полки и батальоны, дивизию отводили в тыл на переформирование, а уцелевших командиров представляли к наградам – за непреклонность в выполнении приказа: была такая наградная формула. За тем, чтобы никто не возражал против явной фронтовой бессмыслицы, бдительно следили не только вышестоящие командиры, но также политорганы, уполномоченные особых отделов, военные трибуналы и прокуратура. Приказ командира – закон для подчиненных, а на строгость начальника в армии жаловаться запрещалось». "Засекреченная Курская битва". Замулин Валерий Николаевич. Это цитаты из его книги. Появляются историки, которые пытаются, скинув идеологические шоры, осветить исторические события беспристрастно и объективно. Замулин В Н один из них. И с ним нельзя не согласиться, когда он пишет о подвиге русских солдат и предательстве генералов. Русский Ваня в гимнастерке красноармейской, и в комбинезоне танкиста, умирал под траками немецких танков и заживо сгорал в своих, чтобы остановить ценой жизни врага. Он был малограмотен в своей массе, скор и прост на слово. Грешен и смертен.

Одиннадцатое июля 1943-го года для экипажей огнеметных танков началось уже привычно рано, с первыми лучами солнца. Разбудили ухающие удары взрывов, пробивающиеся даже через шумоглушение, которое все же не было абсолют-

ным и особенно при прямых попаданиях ощущалось экипажами. Немецкая разведка работала отлично, в том числе и авиа. С утра уже над позициями 40-ой армии висел авиакорректировщик – Fw-189, называемый попросту "рама" и зенитчики дивизионные с чувством матерились, понимая насколько трудно достать этого фрица, на предельной высоте. "Рама" выписывала восьмерки не долго, очевидно, заканчивалась фотопленка, делала прощальный круг и уходила на юг. А через полчаса появлялись Юнкеры и Мессершмидты. Эти проносились с воем и высыпали на позиции армии очередную порцию бомб. Не забывали пройтись и по паре танков, которые особенно и не прятались, с удовольствием сбивая особенно настырных.

– Вениамин, а "раму" эту гадскую слабо зацепить?– поинтересовался Силиверстович, рассматривая окрестности в мониторе. Несколько видеокамер, осуществляли визуальное сканирование местности, позволяя экипажу ориентироваться на рубежах, своевременно выбирая наиболее перспективные. Кроме обычного изображения, камеры давали увеличенное, причем вплоть до расползания его по экрану в мутное пятно. Вот и сейчас Силиверстович поймал корректировщика камерой слежения и, увеличив изображение, увидел четко лицо пилота за прозрачным плексигласом.

– Расстояние – 7-м тысяч 500 метров до мерзавца. Зевает, рано подняли, не выпался.

– А действительно, чего мы на них внимания не обра-

щаем?— обрадовался Вениамин, возможности пострелять и принялся вводить в систему огня поправки. Щелкнув по клавиатуре, увеличил мощность и нажал на пуск. Короткий импульс тут же вырвался из ствола зенитной "Оспы", и через мгновение конструкция Fw-189 перестала напоминать "раму", разлетевшись на несколько более простых и геометрически не совсем законченных.

— Великовата мощность, убавь,— Силиверстович сочувственно рассматривал, кружащиеся высоко в небе останки "рамы", разлетающиеся по инерции и срывающиеся в штопор.— Пилоты выскочить не успели.

— А не хрен,— равнодушно скользнул взглядом по монитору Вениамин.

— Ты не прав. Они конечно дурачки, но многие поумнеют. Пару раз петух жареный клюнет и в глазах мудрость проклевывается.

— Ну, извини, Силиверстович. Виноват. Убавляю,— Вениамин отрегулировал мощность в сторону понижения и полез в холодильник за сухим пайком.— Чай, кофе?

— Чай, Вень,— Силиверстович одел шлемофон и вызвал Петра Павловича.— Палыч, как там вы?

— Доброе утро, нормально. Через час меняем позицию. Тут по архивным данным в квадрате по нашей координатной сетке A18 — E77, немчура сосредотачивает бронированный кулак. Предлагаю рассеять. Группа называется "КЕМПФ"

Ее Манштэйн придерживал как НЗ резерва. Стратегиче-

ский, последний. С юга перебросили фрицы пару дивизий и танковый отдельный корпус. Всего порядка трехсот танков и для нашего командования это "сюрприз".

Помноженный на отсутствие опыта войны с применением мехкорпусов, а также на наше российское разгильдяйство, шапкозакидательство и авось, можем получить "пеньки горелые", о которых предупреждал Михаил. Судя по силуэтам, половина техники из последних достижений Рейха в танкостроении. "Тигры", "Тигры-II", "Пантеры" и "Фердинанды". Монстры весом до 70-ти тонн. Завтракаем и выдвигаемся, поклон от Леонидовича.

– Ато к нам на чай... – предложил Силиверстович.

– За обедом пересечемся. Не соскучились пока, – рассмеялся Петр Павлович. – Отмашку дам на минутную готовность. Возвращаемся на рубеж Лаптево – правее пятьсот. Ориентиров там, к сожалению, не осталось, пустыня. Разве что горелая техника временно может быть принята в качестве таковых, но ремонтники у немцев работают как черти. Тащат с поля все подряд. И свою сгоревшую и нашу. Молодцы.

Танки снялись с позиции ровно через час и, переместившись к месту где когда-то стояла деревенька Лаптево, сместились вправо от этой точки метров на пятьсот по линии фронта. Наблюдение визуальное ничего не дало. Группа "КЕМПФ" в указанном квадрате или еще не появлялась, или замаскировалась настолько искусно, что тщательный

осмотр местности не приносил результатов. В сторону фронта двигались объекты в основном безобидные и не представляющие для экипажей интереса. Пара грузовиков с полевыми кухнями, маневрируя между воронками, проследовали в этом направлении, а следом протарахтел мотоциклист-связной. В светлое время суток на этом участке было довольно оживленно. Командование немцев считало его своим оперативным тылом и если не очень глубоким, то достаточно удаленным и не представляющим интереса для русской авиации. Крупные войсковые подразделения перемещались туда и обратно, пересекая этот участок в ночное время, а в дневное здесь можно было увидеть только вот такие объекты никому особенно не интересные.

– Ну и где эта "КЕМПФ"? – Петр Павлович внимательно осматривал дальние подступы.

– А что там в архивах? – Федор Леонидович оторвался от перископа.

– А там расплывчато. Источников несколько и имеется разногласица. Как обычно. Однако есть один любопытный документик. Рапорт некого штандартенфюрера Йогана Кирхенбрунера. Он в этом рапорте, который по сути объяснительная, оправдывается. Вот взгляните. – Петр Павлович вывел текст документа на дисплей.

– Занятно, – ознакомился Федор Леонидович с содержанием. – Выходит он единственный кто остался жив с экипажем после того как русские атаковали их группу и сожгли

ее. Спасло его то обстоятельство, что у его танка случилась поломка и экипаж, устраняя ее, отстал от колонны ночью, а потом не смог ее догнать и остановился в километре от основной массы. Оттуда и наблюдал за событиями. Пишет, что начало русской атаки он не видел и может свидетельствовать только, когда группа уже горела. Дрых, наверное, и взрывы разбудили. Понятно в общем-то – ночь выдалась тяжелая у штандартенфюрера. И где эта группа может быть?

– Возможно, что замаскировалась за железнодорожной насыпью. Силуэт танка, даже "Тигра" вполне может закрыть дорога. Прикопались, прикрылись сверху маскировочными сетками, веточками припорошились и ждут. Ночью рванут дальше и с марша в бой 12-го. Вот и будет встречный бой. Только там на "Танковом поле" будет тогда немцев больше чем наших. Раздавят. Один ведь к трем расклад был накануне. И это при преимуществе немцев в противотанковых средствах. Василевского правильно Иосиф Виссарионович 13-го снял с кураторов. А у Ватутина нет видения полной оперативной обстановки. Впрочем, и у Василевского его тоже не было. Вот и положат завтра шесть армий на этом поле. И будут топтаться потом целый месяц пока выдавят немчуру на исходные от 5-го июля. Да и то не их это заслуга, а соседних фронтов, начавших наступления. Немцы отошли, опасаясь "котла" под Харьковом.

А если эта группа еще появится у них, то операция "Цитадель" вполне может быть завтра завершена. В результате по-

лучим шесть разбитых советских армий и пару попавших в окружение. Центральный фронт получит удар с двух сторон и вынужден будет Рокоссовский либо воевать на два фронта, либо отходить, оставляя рубежи, на восток... спешно. Резервный фронт Конева – это не фронт. Его уже ободрали как липку. Обе пятые армии – это его армии. Раскатают немцы Конева, порвут как Тузик грелку. Засылаем срочно шпиона – "Троян". Где этот воробышек?

– Сейчас вызову, – Федор Леонидович набрал код вызова и открыл люк. Воробей впорхнул через несколько секунд, уселся ему на плечо и зачирикал, бойко вертя головкой.

– По вашему приказанию прибыл.

– Молодец, шустрый. Как там тебя Михаил окрестил?

– "Троян" – Хрюша, товарищ майор, – представился воробей.

– Слушай боевую задачу, Хрюша. Ну и имечко Михаил тебе придумал. Мог бы что-нибудь поделикатнее выбрать.

Ну, да ладно, чего уж теперь. Летишь вон в том направлении и обследуешь квадрат А18 – Е77. Необходимо обнаружить танки Вермахта. Как понял?

– Понял. Разрешите приступить к выполнению задания? – Хрюша замер, поблескивая бусинками видеокамер.

– Выполняй.

– Есть, – "Троян" выпорхнул из люка.

– Смотри-ка, Леонидович, да там целая колонна ползет. Оборзели немцы. Средь бела дня в таких количествах пере-

мещаются.— Петр Павлович разглядывал на мониторе движущуюся в сторону фронта автоколонну, состоящую в основном из легковых авто. Грузовых было всего две. Впереди и сзади колонны, а вот легковых семь. Перед грузовиком пылили еще три мотоцикла с колясками.

— Шишки решили выехать в войска. Неужели сам Манштейн сподобился?— Петр Павлович увеличил изображение и принялся разглядывать лица пассажиров в легковушках.

— Не-е-е-т. Это в основном гражданские. В форме только водители за рулем. Журналисты что ли? А может какие-нибудь наблюдатели от Лиги наций или красного креста с полумесяцем?— терялся он в догадках.— Ладно, пусть ползут. В грузовиках охрана надо полагать? Во втором мерседесе, правда военные и двое в какой-то странной форме. Это не немцы. Из их союзников кто-то,— Петр Павлович, ввел изображение в память компьютера и включил идентификатор.

Полученные результаты его озадачили.

— Леонидович, вы не поверите — это японцы. Союзники, конечно, по Оси, но здесь-то им что нужно?

— На экскурсию может пожаловали? Консул какой-нибудь. Гитлер же все мечтал втянуть их в войну на Дальнем Востоке, а они все не решались. Демонстрирует им успехи германского оружия. Так нужно понимать, скорее всего,— высказал Академик предположение.— Читал я что-то о подобном посещении этих мест вот такой делегацией японской. Там и журналисты были, но в основном военные атташе при странах

сателлитах. Италии, Румынии, Венгрии. Один из них что-то там такое вспоминал. Как же его звали-то этого японца? Кажется, если память мне не изменяет, Кендзи. Подполковник или полковник. Очень впечатлительным оказался и описывал вот эти места весьма мрачно. Ему сообщили, что тут применено Германией новое оружие, те самые "сверх бомбы" и японец очень восторгался результатами.

– Восторгался? Гад еще тот видать. Может вмазать по колонне пару раз?

– Вмазать? Как-то не совсем это хорошо. Они все же не воевать сюда приехали. Полюбопытствовать. Ну, так и Бог с ними. Результат-то противоположный получится от демонстрации. "Русских даже таким оружием не победить" – вот ведь какой вывод сделал этот Кендзи. И именно это мнение и донес до руководства Японии. Так что зря немцы его сюда везут. А вот если мы "вмажем", то правительство страны "Восходящего Солнца" мнение это не узнает.

– Жаль. Ну что же, пусть живет полковник и докладывает начальству, – Петр Павлович с сожалением убрал палец с кнопки пуска.

– Да ты не огорчайся, Павлович, голубчик. Сейчас Хрюша прилетит и будет у тебя возможность сегодня пострелять, – улыбнулся Федор Леонидович виновато, как обычно.

– Ну что ты, Леонидович, вроде как извиняешься за этого япошку? А насчет "пострелять"... Настрелялся я за последние сутки на всю жизнь вперед. У меня уж и ненависти нет

ни к немцам, ни тем более к их союзникам. Марионетки бездумные, что с них взять? Сегодня эту группу ликвидируем и домой. Миссия наша на этом заканчивается. Михаил считает, что вмешиваться в дальнейшие события не стоит. Я с ним согласен.

– Последний день мы здесь? А где же сам Михаил?

– Где-то в Германии, В Баварии. "Лежбище" нынешнее ворошит с Сергеем. Обещал до 12-го управиться. Скорее всего вместе и вернемся в одно время в Москву.

– Сообщить следует Вениамину с Силиверстовичем о наших планах,— Федор Леонидович связался с соседями.

– Силиверстович, Вениамин, слушайте последние известия. Павлович объявляет сегодняшний день последним в этом временном периоде. Считает, что группа "КЕМПФ" — последняя наша цель. Уничтожаем и домой в Москву.

– Ну и ладно,— проворчал Силиверстович недовольно в ответ.

– Особое мнение имеешь, Силиверстович?— Петр Павлович подключился к разговору.

– Да какое там мнение? Вам виднее. Только как же Прохоровка?

– Наша Прохоровка сегодня состоится. Группу эту ликвидируем и Прохоровка не состоится в том виде, как ее видит Манштэйн. А уж если наши стратеги с маршальскими звездами там все равно облажались, так Иосиф Виссарионович хоть еще бы нашел возможность им тысячу другую тан-

ков подогнать, так не в коня корм. Правильно выходит он их гонял, как вшивых по бане. Там ведь под Прохоровкой тройное превосходство у наших в танках. Немцы их как в тире перестреляли и чуть имеющимися силами, даже без вот этой группы "КЕМПФ", свою задачу по "Цитадели" не выполнили. Еле остановили. Гусеницы немецких танков в тупах завязли. Пехоты столько легло, что руки чешутся не в немцев стрелять, а ворваться на командный пункт Воронежского фронта и сжечь там их всех. Если это сделать сегодня, то контрнаступление идиотское некому будет начинать. Команду некому отдать будет. Пехота зароется в землю и без танков Ротмистрова дивизии эти эсэсовские, потрепанные изрядно за предыдущую неделю, остановит. А эти недоумки, отдали приказ наступать и положили в чистом поле сотню тысяч наших ребят. Скоты золотопогонные. Что это? А похоже как на начало войны в 41-ом. Там тоже бездумно швыряли под танки пехоту, а танки тысячами бросали на дорогах с боезапасом и даже с полными баками горючки. Кто отдавал приказы? Вот эти же и отдавали. Тогда они во главе всей армии Красной были, всю и подставляли. А сейчас командуют фронтами и подставляют в масштабах меньших. Но похоже как, — Петр Павлович в расстройстве чувств стукнул кулаком по броне.

— Значит, считаете, что задачу мы свою выполнили? — отвлек его от мрачных мыслей, вопросом Вениамин.

— Михаил так считает. Я с ним согласился.

– А они как же?

– У них своя задача, в Германии. Выполняют. Вернуться должны тоже сегодня. Все остальные вопросы к ним, Вень.

Я и сам не все до конца понимаю. Вернемся, расспросим обстоятельно.

– Зер гут,— согласился Вениамин.

– Язык осваиваешь?— засмеялся Петр Павлович.

– Ну, так пришлось, когда Леонидович с Силиверстовичем фрицев в плен взяли.

– Орлы,— усмехнулся Петр Павлович.— Ведь повезло, что этот Отто, или как там его — Эрнст сзади прикладом приложил. А если бы в лоб? Ведь убить могли. Правильно я разбил вашу сладкую парочку. Взрослые люди, деды можно сказать, а вели себя как два мальчишки. До сих пор не понимаю мотивов. Хорошо, что скрывать не стали ляпсус.

– Лопухнулись, вестимо,— признал его правоту Силиверстович.— Чего ждем?— Тут же перевел он разговор с неприятной темы.

– Результаты разведки ждем. "Троян" с позывным Хрюша сейчас вернется с координатами группы танковой и вперед. Перекур пока. Ждите команды.— Петр Павлович отключил связь и снова принялся внимательно осматривать дорожное полотно, по которому, по понятным причинам, движение не осуществлялось, но спрятать за ним армию танковую можно было вполне. Рядом с железнодорожной насыпью тянулась проселочная дорога и сейчас она на всем видимом протяже-

нии была пуста.

"Троян" вернулся через полчаса и отчирикавшись, продемонстрировал видеозапись. Группа ударная, в количестве почти трехсот единиц новейших танков и самоходок, пряталась именно за железнодорожным полотном. Рассредоточившись на протяжении трех километров и используя, как естественное укрытие, пролегающий рядом овраг, танки были тщательно замаскированы и просматривались на видео только с самого близкого расстояния. Метров с пятидесяти они уже были абсолютно не видны. Немцы демонстрировали профессионализм и в умении маскироваться.

– Ну что же. Заводи!– скомандовал Петр Павлович и хлопнул ладонью по кнопке "Старт". Два танка медленно двинулись на юго-запад, набирая скорость и разъезжаясь в стороны, увеличивая дистанцию между машинами.

– Вениамин, прямо 3-и километра, ваши ориентиры слева – А -образно стоящий столб электропередачи вправо до полутора километров. Остальное наше. Всех сжечь.

– Есть,– коротко ответил Вениамин, отмечая на карте указанные точки.

Через линию траншей пехоты 40-й армии проскочили на такой скорости, что там никто не успел ничего толком понять. Звонить, естественно, стали тотчас же по инстанциям и через несколько минут на КП армии уже знали о проследовавших в сторону немцев двух танках со звездами на броне и на скоростях сумасшедших.

– Это что еще за маневры?– командующий 40-ой армией генерал-лейтенант Кирилл Семенович Москаленко, выслушав доклад, немедленно связался со штабом фронта. Два танка не подчиняющиеся ему и находящиеся на левом фланге в качестве автономной группы и как наблюдателей от Ставки, а также в качестве якобы корректировщиков и свободных охотников, его несколько раздражали, но он пока вполне этим объяснением был удовлетворен. Однако вот такие кунштюки, средь бела дня продемонстрированные, он понимать отказывался и потребовал у командования фронтом объяснения. На его счастье к аппарату подошел представитель Ставки генерал Хрущев Н С, выслушал, всего трижды выматерившись и пообещал прояснить ситуацию. Командующий фронтом болтался где-то с маршалом Василевским по передовой, осуществляя рекогносцировку и Никите Сергеевичу связаться с ним не удалось. Брать на себя какие-то обязательства он не был расположен и поэтому посоветовал Москаленко: – Не лезь поперек батьки в пекло и панику не поднимать, раз это от Хозяина люди, то, значит, знают, что делают.

– Но как же так, товарищ Хрущев?– возмутился генерал-лейтенант.– Я тут командующий или хрен собачий?

– А хрен тебя знает кто ты там, товарищ Москаленко,– не полез в карман за словом Хрущев.– Тебе, что было приказано? Тебе было приказано передать 5-ой армии две дивизии. И где они? Почему не заняли до сих пор рубежи? Что ты себе

позволяешь? Это приказ командования фронта. Ставки. Бонапартизмом страдаешь? Два танка у тебя через окопы сиганули и ты уже в панике, а две дивизии зажал. Где дивизии?— завелся Хрущев.— Под трибунал захотел? Немедленно распорядись. Благодарю Бога, что здесь только я сейчас и душа у меня покладистая. В особом отделе на тебя уже материала накопилось впору под суд отдавать,— Хрущев хрястнул трубкой радиотелефона по рычагам и выматерился так затейливо, что молодой лейтенант-связист покраснел до корней волос.

А на другом конце не менее замысловато изъяснялся командующий 40-ой, которому было по-человечески обидно, что ему выговаривают как нашкодившему мальчишке, за то в чем он вины своей не чувствовал. Да — приказали устно еще позавчера, да — вчера письменно подтвердили, но конкретно не указали в какой район осуществлять передислокацию и не объяснили, как он будет защищать свой участок обороны, если дивизия "Мертвая голова", ударит ему во фланг. Туда, откуда и снимались эти дивизии. Он просил лишь уточнить, еще вчера дважды, а его по матушке... Москаленко вызвал комдивов и, объяснив им предварительно, в каких близких отношениях, он их командующий, находится с их ближайшими родственниками, а также с родственниками некоторых представителей Ставки, приказал им выдвигаться на новые рубежи. Комдивы возражать не стали, ответив, как положено, по уставу "Есть" и проинформировали подчинен-

ных им командиров полков, примерно в тех же выражениях, но теперь упоминая исключительно их близких и дальних родственников, о предстоящей смене диспозиции. Приказ ушел, как положено, еще ниже и последними приняли эстафету сержанты – командиры отделений. У этих амбиций было поменьше и поэтому родственников своих подчиненных они поминали гораздо реже, может еще и потому что общаться им приходилось с подчиненными вживую. Представителю Ставки или командующему армией в этом смысле куда как проще. В глаза смотреть не нужно, вот язык и метет, удержу не зная. А попробуй-ка сказать эдакое же глядя человеку в глаза... Вот то-то же. Поэтому сержантский состав в Красной, а затем Советской армии вел себя гораздо корректней, чем все вышестоящие командиры и начальники вместе взятые, до Верховного включительно.

Изъяснялись, конечно, на русском разговорном, но исключительно в падежах не определенных и конкретного субъекта не затрагивающих.

– Слышал, ядрена мать? – орал сержант. – Выходи строиться. Форма одежды – раз – часы, трусы, противогаз, – и рядовой красноармеец, никаких негативных эмоций не испытывая, бежал в строй, прихватив разумеется не только перечисленные предметы экипировки, но и все что предписано боевым и строевым уставами...

На этом обсуждение происшествия чрезвычайного на передовой закончилось и, потом о нем никто не вспомнил да-

же в мемуарах. Ни командующий 40-ой армией, ни тем более Никита Сергеевич Хрущев. Наверное, потому, что ни кому не дали по шее и звезды при этом не сорвали, вот и забылся казус произошедший. Ну, сорвались и ушли в сторону противника два танка... Может на разведку уехали? Последствий негативных не наступило в результате? Не наступило. Ну и хрен с ними. Ну а то, что на горизонте потом что-то взрывалось и гремело, так что земля тряслась, так это, наверняка, Сталинские соколы накрыли полевой склад боеприпасов.

Впрочем, версия эта была не так уж и далека от истины. Пару звеньев наших бомбардировщиков над этим местом действительно пролетало именно в это время, но возвращались они с задания и только успели мимолетно взглянуть на то, что происходило внизу. А взглянуть было на что. Группе "КЕМПФ", не ожидавшей нападения, да еще с двух сторон, в буквальном смысле сносило башни. Детонирующие внутри боекомплекты, не оставляли шансов никому. Ни экипажам, ни башням. Через полчаса на месте скрытно стоящей бронетехники красовалась, совершенно не заботящаяся о маскировке, огромная свалка металлолома. Если бы атташе в Венгрии подполковнику Кендзи показали это место на обратном пути, сообщив, что здесь порезвилась пара русских танков в течение тридцати минут, то этот впечатлительный японец порекомендовал бы своему правительству капитулировать во Второй Мировой еще тогда в 1943-ем. Но японца обрат-

но везли совсем по другому маршруту и в своих воспоминаниях он не упоминает об этой свалке, к сожалению. А получилась грандиозная. Когда ее увидел лично Эрих фон Манштэйн, не поверивший и выехавший на место, то даже его проняло так, что он тут же вернувшись в свой штаб, набрался смелости и позвонил Фюреру. Доложив ему о возникших негативных обстоятельствах, Манштэйн высказал свое мнение, что операцию "Цитадель" необходимо свернуть и пока не поздно, выровняв фронт, перейти к позиционной войне, в которой немцы могли дать фору ордам большевиков. Воюющих не так как им завещал их гениальный земляк Суворов – умением, а исключительно числом. Фюрер выслушал доклад, не перебивая и буркнув довольно сдержанно:

– Я подумаю, – отключился. Фюреру только что его любимый, лечащий врач влепил очередную повышенную дозу амфетаминов с биодобавками из бычьей требухи и он, пребывая в эмпатии, не способен был воспринимать негатив. Ну а уж когда действие наркотиков прекратилось, то высказался в адрес Манштэйна так резко и обстоятельно, что, пожалуй, и Никита Сергеевич позавидовал бы некоторым словосочетаниям.

– Это не Фельдмаршал – это задница с ушами, – визжал Гитлер, отпихивая протянутую ему Мореллем очередную пилюлину. – Повесить публично перед Рейхстагом и не снимать, в назидание остальным генералам-предателям, в течение месяца, – надрывался Фюрер, плюясь и бегая вокруг сто-

ла. Ногу волочил при этом так, что пробежка эта нервная похожа была скорее на прыжки. Растрепавшаяся челка сползла на глаза, глаза травмированные вытаращились и в этот момент любая из карикатур Кукрыниксов, выглядела по сравнению с оригиналом гораздо благообразнее и ближе по сходству с оригиналом.

– В Дахау. Всех. Предатели, скоты, свиньи аристократические, – выл Рейхсканцлер, пиная здоровой ногой кресла.

– Мой Фюрер. Примите препарат. Это вам сейчас крайне необходимо, – похрюкивал в паузах между фразами Морелль и пытался сунуть пилюлю в открытый рот Гитлера.

– Убью! Уйди! – топал тот ногами и выплевывал таблетку на пол. Морелль, терпеливо доставал из флакона следующую и опять настойчиво совал ее ему в рот. Наконец ему это удалось. Фюрер проглотил лекарство скорее всего случайно и поняв, что по его гортани только что проползло что-то инородное, замер с выпученными глазами, соображая – хорошо это или нет. Морелль, воспользовавшись паузой, внезапно возникшей, захрюкал еще убедительнее, ласковее и настойчивее. В результате высоковельможный пациент, пришел наконец-то в себя и позволил сделать пару инъекций в зад и забросить горсть "чудо-таблеток" в рот, в дополнение к первой. Коктейль этот может и не очень оздоровил организм Фюрера, но спас Генерала-Фельдмаршала Манштэйна от немедленных репрессий.

Под воздействием очевидно амфетаминов Гитлер доволь-

но покладисто, а главное быстро, подписал очередную директиву, предписывающую свернуть операцию "Цитадель". Всего день понадобилось ему на это и 13-го июля ее уже с радостью читали в штабах Групп Армий "Центр" и "Юг".

А два танка, устроившие переполох утром 11-го июля, обратно не вернулись и, инцидент этот забылся очевидцами уже на другой день. Его заслонили события более грандиозные и на фоне сотен сгоревших под Прохоровкой танков эти два потерялись и выпали из статистики, и хроники тех дней.

Глава 4

Аэродром Z-6 вторые сутки удерживал батальон Ваффен СС. Отбивая атаку за атакой гренадеров Вермахта. Которых хоть и потрепал танковый полк, ударив с тыла, но подошедшее к ним подкрепление из резерва Группы "Юг", пополнило ряды и подтянувшийся артдивизион Небелверфен – "Ишаков", начал методичный обстрел позиций эсэсовцев, не жалея снарядов. Американцы год спустя не зря назовут эти минометы "Стонущими Микки". Шесть стволов с воём выплевывали в сторону аэродрома 39-ти килограммовые мины, превращая взлетную полосу в полное безобразие, исковерканное воронками. Накрывало само собой и дзоты, но проломить железобетон мины не могли, однако личный состав, их обороняющий, оглушенный постоянной долбежкой, пребывал в панике и в расстройстве чувств, переживая очередной шквал, заткнув уши и открыв максимально рты. Это помогало ушным перепонкам, но удачно рванувшие мины, рядом с амбразурами уже слегка поубавили количество обороняющихся, которым кроме пулеметов и другого стрелкового оружия противопоставить "ишакам" было нечего. После очередной артподготовки гренадеры Вермахта поднимались в очередную атаку и к пулеметам становились оставшиеся в живых эсэсовцы. Теперь они имели преимущество и пользовались им в полной мере, выкашивая наступающие цепи.

Если учесть, что батальон Ваффен СС накануне сцепился сам с собой и в перестрелке между ротами погибла треть личного состава, пока удалось разобраться в ситуации и установить взаимодействие между ротами и отдельными взводами, то потери в батальоне составляли до 50-ти процентов убитыми и тяжелоранеными.

VIP-бункер был буквально забит стонущими и перевязанными наспех эсэсовцами. И гауптштурмфюрер Шпеер, которого Сергей освободил и назначил временно исполняющим обязанности командира батальона, загнав сюда же в начале артобстрела весь личный состав, гнал его теперь в шею обратно к пулеметам:

– Вальтер, выводите людей. Санитары, черт возьми, почему я вижу до сих пор не перевязанных людей,— орал гауптштурмфюрер, пришедший в себя от эмоционального шока, который получил во время общения с Сергеем. Он сначала не хотел верить, что все командование батальона враги, а главный у них бригадефюрер. И только когда пробежавший мимо с белым флагом гауптштурмфюрер Клюгер торопясь и захлебываясь от волнения, подтвердил информацию о предательстве, Шпеер поверил и принял командование батальоном.

Кухня вовремя обеспечивала личный состав питанием и трое поваров у командования нареканий не вызывали.

– Если батальон будет держать оборону так же упорно, как вчера и сегодня, то два этих пехотных полка лягут на его

подступая к вечеру. Боеприпасов на складе навалом,— доложил обстановку Михаилу Сергей, заявившись с кухни в сопровождении повара.

— Курочка, как заказывали,— расшаркался работник ножа и черпака, накрывая сноровисто на стол.

— Спасибо, обершарфюрер,— поблагодарил его Михаил и повар вытянулся, щелкая каблуками и оттопыривая локти.

— Свободен,— отпустил его Сергей, присаживаясь к столу.— Разобрался, я вижу, с Клюгером? Примчался в бункер и такого наплел про вышестоящее начальство, что я еле удержал Шпеера. Парень буквально закипел от праведного гнева, рвался пасть порвать на портянки предателям. Кстати, родственником министра вооружения Рейха он, к сожалению, не является. Однофамилец.

— Рад за него. Потому что этого Шпеера Альберта, кажется, повесили после войны по решению Нюрнбергского трибунала.

— А вот тут ты ошибаешься, Миха. Двадцать лет ему дали в Нюрнберге. Нормально отсидел и дожил до преклонных лет этот Шпеер. Умер в своей постельке, правда, почему то в Лондоне. Инкриминировали Шпееру эксплуатацию заключенных на оборонных предприятиях Рейха.

— Откуда такая осведомленность?

— От верблюда. Читать нужно больше. Готовиться к походам в Рейх. Я вот не поленился и пару дней, полистал кой-чего. В том числе и о Нюрнбергском процессе. Ге-

ринг там прикалывался над обвинением. Чуть в калошу американцев не посадил.

– Молодец. Растешь на глазах. Ну и что там Геринг прокурорским такого умного сказал, что даже тебе понравилось?

– Калифорнию с Мексикой им припомнил и бомбежку японских городов Хиросимы и Нагасаки. Спросил, какая необходимость была у Америки сбрасывать на эти города атомные бомбы. Ну а у англичан, какая необходимость уничтожить Лейпциг. За сто пятьдесят лет американцы сто пятьдесят раз применили свои вооруженные силы для того чтобы аннексировать чужие территории. Ну и назвал суд в Нюрнберге судилищем, который он Рейхсмаршал не признает. Достал так прокурора Джексона, что тот не нашелся что ответить. Типа по Грибоедову "А судьи кто?".

– Прав Рейхсмаршал. Козлы те еще. Он то "боров" и ему их психологию не понять. Геройски, значит, вел себя?

– Выкручивался, как уж под вилами на допросах и никак в толк, похоже, не мог взять, за что его посадили на скамью подсудимых Победители. Так и заявил, что "Победитель всегда судит, а побежденный осуждается".

– А ты как считаешь? Правильно их судили и вообще, что думаешь о фашизме?

– Судили и осудили правильно. Ну, а те, кто судил... Из них, я имею в виду правителей стран Победительниц, половину посадить на эти же скамьи следовало. Тут прав Геринг. Фашизм, если его рассматривать и считать ультрана-

ционализмом, крайним проявлением эгоизма отдельных наций, решивших решить свои проблемы за счет других народов и объявивших себя людьми, а остальных животными, появился и набрал силу именно в Европе.

Почему? Ответ напрашивается сам собой. Перенаселенность и недостаток ресурсов. Отсюда растут ноги. Те кто эту тему поднял, развил и поехал на ней – сволочи по определению. Когда люди отчего-то возбуждаются, будь то идея или продукт типа наркоты, обязательно появляются желающие эти идеи продвигать и продукт этот реализовать. Есть спрос – будет и предложение. Как это обставляется, мы видим. Свастика, красивая форма – упаковка, громкие, трескучие фразы – рекламный сленг. Те же подсудимые на Нюрнбергском процессе, даже перед казнью некоторые крикнули "Хайль Гитлер". Так въелась в сознание привычка. Говорили, опять же, высокопарно.

– "Подождем лет двадцать. Германия поднимется вновь. Какой бы приговор не вынесло мне это судилище, я буду признан невиновным перед ликом Христа". – Это Рудольф Гесс изрек. Они – нацисты, пришли к власти, взбаламутили сознание всего народа и их верхушка, присевшая потом на скамью подсудимых, что продемонстрировала своему же народу? Скромность, не стяжательство, самопожертвование? Суки, гребли каждый, сколько мог в свой карман бездонный. Так же как нашим олигархам в России, им плевать было на немецкий народ. Для них он был всего лишь инструментом,

с помощью которого наполнялся их собственный кошелек. Поэтому берегли его и даже заботились, как заботится убийца и вор о своем инструменте, ноже или пистолете. И поэтому наши не заботятся о своем. Потому что в обоих случаях именно он юридически является собственником этих ресурсов. И у нацистов, и у наших нынешних "Хозяев" одна и та же цель – Ресурсы. Только фашисты не скрываясь объявили о своих планах и начали осуществлять их, развязав Вторую мировую. "Жизненное пространство". Каждому солдату пообещали, что он станет помещиком. Вот они и поперлись в Россию. Землевладельцы, блин. Ну, а те, кто это профинансировал, они же и посадили потом главарей на скамью подсудимых. Геринг это так и озвучил. "Наша вина в том, что мы проиграли в войне". Германию нужно было устранить из геополитики и ее устранили очень эффектно. Немцы уже никогда не поднимутся и ничем не отличаются от остальных европейцев. Дружная семья в Объединенной Европе, состоит вот из таких инфантильных народов, напрочь лишенных пассионарности. Плохо это или хорошо? Устранены таможенные барьеры, пространство экономическое расширилось и стало эффективнее, мобильнее и скооперированнее. Единая денежная система в основном в этих странах введена и при этом нет вспышек национальной вражды и нетерпимости. Легко управляемой оказалась эта масса из бывших немцев, французов и прочих народов. Это ни плохо и ни хорошо, я думаю. Это нормально просчитанный и

осуществляющийся процесс глобализации. Те, кто стоит над ним, предусмотрели все до мелочей и заранее предприняли надлежащие меры по предупреждению таких эксцессов. Первый шаг к приведению Европы к тому виду, который она имеет в начале 21-го века – Нюрнбергский процесс над нацистами. Это дубина, продемонстрированная всему миру. И она никуда не делась. Всегда под рукой. То, что первыми пострадали, нерадивые исполнители от этой дубины – это даже для нее хорошо. Обагрившись кровью явных мерзавцев, дубина выглядит, как орудие возмездия "Правосудия". Только вот в чьих она руках при этом оказалась?

– В чьих?

– Глобалистов, Миха. Не в наших с тобой. И не в руках даже Организации Объединенных Наций. Несколько семейств – кланов держат в руках Земной шарик и дубина эта ими в свое время придумана, и ей же они в любой момент могут подправить Человечество, если вдруг свихнется с курса ему указанного. "Шестерка" в 21-ом у кого-то из них и если выйдет "в люди", то в этих семействах.

– Согласен. Не пора ли нам в Германию? Координаты я знаю "лежбища".

– Я готов. Хоть сейчас.

– Хорошо, только с музейным имуществом, здесь на складах, собранном трудами бригадефюрера, нужно разобраться и вперед. Не оставлять же его им.

– Еще чего. Предлагаю отправить все за линию фронта.

– Как? У тебя есть конкретные предложения? Здесь порядка ста тонн. Полуторки если привлечь, то нужно штук семьдесят. Где взять транспорт?

– Где? У немцев само собой и не полуторок, а что-нибудь помощнее и грузоподъемностью повыше.

– Позвонить Манштэйну Эрнсту и попросить транспорт?– Михаил задумался и рассмеялся, представив лицо командующего Группы армий "Юг", когда у него попросят десятка три грузовиков в разгар операции "Цитадель", когда каждая единица техники на вес золота. Особенно грузовики, на которых сейчас осуществляется передислокация войск. Это у РККА, только полуторок сто тысяч, а у Вермахта их гораздо меньше.

– Что ухмыляешься? Не даст, думаешь? Да эта "неучтенка" без его ведома хрен бы здесь образовалась. И "смотрящим" тут не зря брательника посадил. Рейхсмаршал Геринг известный коллекционер и "рыло в пуху" тут у всей верхушки Рейха вплоть до Фюрера. Звони и проси смело, герр гауптштурмфюрер. А если что, то на меня сошлись. Я благословляю.

– Ну, тогда-то конечно. Манштэйн как услышит, что Фридрих Энгельс благословил, так сам подгонит автобат. За руль сядет в головную машину. Короче, хорош трепаться, Серега, займись инвентаризацией музейного имущества. Что с этими гавриками делать будем?

– Расстрел перед строем в самый раз, как врагов Рейха.

Шпеер этот, который теперь комбат, горит пламенным негодованием. Отдать засранцев?

— Отдай и даже пусть порасспрашивает их этот однофамилец министра вооружения. Интересно послушать, что кузен командующего будет лепетать в свое оправдание. Вот список имущества, а вот накладные по которым оно значится, как не имеющее ценности барахло. Принято на склад вещевой, как трофейное имущество для отправки в Германию с оказией. В списке в основном вещи обыкновенные и действительно малоценные. Дрянь всякая, которую и в Рейх-то везти не стоило бы. Особенно белье женское — производства советских фабрик умиляет. Рейтузы там всякие. Их много. Должно быть немок хотят порадовать. Мужское белье тоже имеется. Трусы в количествах прямо скажем невероятных. Десятки тысяч. Фуражки вот еще. Кепки. Это мальчишкам из Гитлерюгенд. В наших трусах и кепках они будут неотразимы. А на самом деле, вот в этом списке все есть. В ящиках с женскими рейтузами, возможно в них и упакованные, предметы музейные. Фарфор коллекционный, бронза и т.д. Картины, в ящиках с кепками и трусами. Тоже разумно, чтобы краска не повреждалась. Молодцы. Полуправда, она чем хороша? Получат груз в Германии, не продекларированный груз изымут, остальное сдадут на склады и все шито-крыто.

И овцы сыты и волки... тоже. И накладных расходов ноль. Сволочи. Всех норовят вокруг пальца обвести и чужих, и своих. Правильно их повесили. Гниды с любой точки зрения,

кроме их собственной. Шпеер, думаю, со мной согласится.

– Трусы значит экспортируют. Сатиновые?

– Само собой. У нас в стране Советов они исключительно черного и синего цветов. Мальчики из Гитлерюгенд будут рады. Свастику шлепнуть на задницу и готовая униформа.

– Хорошая мысль. Именно так и нужно сделать. Трусы отправить в Рейх с панталонами вместе и кепками. Хотя рейтузы жалко. Функциональная вещь. Может тоже свастику на заднице штампануть и выдать юным немкам, как униформу?– Сергей листал накладные и хмыкал.– Умельцы. Все продумали. Даже если, кто-то сунет нос, то всегда отмажутся. Скажут, что специально так задекларировано, чтобы враги не пронюхали. И покажут этот список с грифом "Секретно, только для служебного пользования". Потом его уничтожат и дело в шляпе. Интересно, кто организатор?

– Да вся банда в сговоре. И фюрер в том числе. Ему ведь на Геринга постоянно стучали. Когда он какой-то замок себе построил за счет казны и попался, то Гитлер посмотрел представленные доказательства и распорядился домик национализировать... А потом передать в пользование временное Генриху, как служебную жилплощадь... предоставленную народом. Вот такой подход. В результате избавил Геринга от коммунальных платежей и налога на собственность. Наказал, блин. Что-то там долго при этом о его заслугах и героизме говорил.

– Ну, я пошел. Заказывай транспорт и с гранадерами нуж-

но как-то разобраться. Не пропустят автобат. Да и надоели они уже своими минометными обстрелами.

– Сейчас третий танковый корпус тут будет, я его уже выклянчил. Что-то долго едут. Вдарят по пехоте и минометчикам, и снимут блокаду, – Михаил принялся вызывать штаб Группы Армий "Юг", а Сергей отправился радовать гауптштурмфюрера Шпеера, назревающим торжеством справедливости.

Эсэсовцев он застал в VIP-зоне. Пересиживали очередной обстрел. Шпеер, ознакомившись со складской документацией, не то что обрадовался – в восторг пришел неописуемый, правда, высказал сожаление по поводу того, что нет возможности построить личный состав прямо немедленно, чтобы привести приговор в исполнение.

Известие о том, что на помощь осажденным спешит целый танковый корпус, привело в восторг всех это услышавших и глаза, уставших от войны эсэсовцев, загорелись надеждой.

Третий танковый корпус появился, как и положено на войне – внезапно. Для двух стрелковых полков Вермахта это стало сюрпризом и гренадеры, героически отбиваясь от танковых атак, стали отходить в сторону Харькова, бросив шестиствольные минометы и прочее, обременяющее передвижение, казенное имущество.

Танки пытались преследовать отступающие полки, но местность для танков оказалась труднопроходимой, так что

пехоте повезло с оврагами и речушками. Повезло и с погодой, внезапно испортившейся. Проливной дождь, хлынувший с небес, сделал эти "складки местности" для техники непреодолимыми абсолютно. Речушки и без того с заболоченными поймами, превратились в топкие реки. Для пехоты препятствием не являясь и позволяя преодолевать себя в любом месте вброд, они, тем не менее, для танков стали преградой несомненной. Поэтому танкисты, постреляв вслед отступающим гренадерам из пушек и пулеметов, технику развернули и преследование прекратили. Доложив в штаб Командующему, что враг уничтожен, рассеян и бежит в панике.

В ответ получили благодарность от командования и приказ возвращаться обратно. Возвращаться, правда, было не на чем. Танки сожгли запас горючего и вынуждены были ждать, когда его подвезут. Горючку подвезли к вечеру на тридцати грузовиках, так что Генерал-Фельдмаршал Манштэйн таким образом убил двух зайцев. А гарнизон аэродрома, героически его защищавший, получивший возможность выползти из ДЗОТов и глотнуть чистого воздуха, получил также возможность и построиться. Шпеер – однофамилец министра, получив внеочередную должность, доказывал, что достоин командовать не только батальоном, но, пожалуй, и полком. Если командование ему окажет доверие. Командование, в лице спец курьеров, не возражало и инициативы, свежееиспеченного комбата, не сдерживало.

Выведенные перед строем бригадефюрер Манштэйн №2

и штурмбанфюрер Вебэр, выслушав зачитанный приговор военно-полевого суда, пытались возражать, но получив по зубам прикладами, оба заткнулись и были расстреляны тут же перед ДЗОТом. Личный состав батальона, оставшийся в строю после непрерывных боев в течение двух суток, был доволен финалом и радостно скалился в строю. Так уж устроен человек и национальность здесь не имеет значения, что когда его, отрывают от родных и близких, суют в униформу и гонят на убой, то он /чтобы там не говорили о сознательности, патриотизме и прочих "измах"/, испытывает некоторый душевный и физический дискомфорт. И как бы не было хорошо ему в армии, даже победно наступающей, дома все равно было лучше. И каждый солдат мечтает выжить, чтобы туда вернуться. А вот командиров своих, даже понимая, что они, в общем-то, такие же подневольные люди и так же оторваны от семей насильно, солдат подсознательно и осознанно считает первым препятствием между ним и родным очагом. Не самым главным, не самым непреодолимым, но первым – несомненно. И когда солдат недоволен командованием, питанием, снабжением, обмундированием, погодой и общей государственной политикой, то первым кто это чувствует на собственной шкуре – это его непосредственные начальники. Офицерам солдат готов простить что угодно, кроме предательства, а все перечисленные обстоятельства, которым может быть недоволен солдат, таковыми и являются, по его мнению, так как не позволяют ему вернуться домой

раньше.

Справедливое возмездие, которое настигло изменников, да еще в чинах высоких, не могло не радовать солдатские сердца и эсэсманы радостно улыбались. Даже испортившаяся погода не могла омрачить эту радость. А продемонстрированное Шпеером женское и мужское нижнее белье, как вещественное доказательство предательства казненных, откровенно позабавило личный состав.

Пообещав внести всех в наградные списки, Шпеер батальон /сократившийся численно до роты/ отправил на отдых, предоставив танкистам честь охраны объекта – Z-6-ть. Впрочем и после убийства танкистов он ограничился парой караульных постов, которых выставил наблюдать за окрестностями. По рекомендации гауптштурмфюрера Энгельса, Шпеер решил предоставить личному составу возможность отоспаться. Так как оставшимся в живых, предстояло выполнить миссию чрезвычайной государственной важности – сопровождать музейное имущество по назначению. В соответствии с предписанием самого Фюрера. Правда, Сергею пришлось долго вдалбливать Шпееру, решение Фюрера, которое он никак не мог понять. Приказ действительно был несколько странен. Согласно ему, эсэсовцы должны были сопровождать грузовики, груженные музейными экспонатами, к русским.

– Зачем?– с солдатской прямоотой спросил Шпеер.

– Затем, что во всем мире пресса подняла вой о том, что

мы уничтожаем и грабим музеи. Разрушаем памятники архитектурные и ведем себя как вандалы. А это не так. Мы, немцы, самая гуманная и культурная нация. Мы не грабим, мы спасаем. И лучшее тому доказательство – эта акция. Доводим к линии фронта, передаем этим скотам их имущество и снимаем об этом кинохронику. Пусть весь мир видит, как обстоит дело на самом деле.

– А нам что же, в плен при этом сдаться русским?

– А вам при этом в плен ни в коем случае не сдаваться, а вернуться и доложить командованию о выполнении задачи.

– Так там же и наши, и русские. Как мы сможем все организовать?

– Значит нужно просочиться на стыках. На юге линия фронта не стабильна и это вполне осуществимо. Просачиваетесь, находите какого-нибудь большевика-начальника. Председателя сельсовета какого-нибудь и передаете ему ценности под роспись. Пусть проверит, что все на месте. Сдать негодяю под расписку, снять на кинокамеру, чтобы не отвертеться от факта передачи и пешим ходом обратно. Скрытно, чтобы большевики не схватили и пленку не изъяли. Понятно? Это престиж Германии, Шпеер!!!

– Понял, – дошло до гауптштурмфюрера. – А если этот Председатель откажется принимать ценности?

– Заставить. Разрешаю такого повесить на ближайшем телеграфном столбе. Пусть все знают, что Германия – не разбойник с большой дороге и понятие о чести, для ее солдат

не пустой звук. Вопросы есть?

– Есть. Кинокамера и кинооператор?

– Предоставим. Приступайте к выполнению задания. Грузовики, в количестве тридцати штук, поступают в ваше распоряжение. Водители тоже. Погрузить ценности завтра утром. Выход колонны в 10.00. Нижнее белье русское из ящиков изъять, погрузить на пару грузовиков и отправить Командующему Манштэйну. Тыловики будут рады. Скоро зима и солдаты Германии, наученные горьким опытом прошлого года, с удовольствием оденут в зимнее время теплые рейтузы. Не отправлять же их в самом деле в Фатерланд, для того чтобы использовать нижнее русское белье, как униформу для Гитлерюгенда? Этого хотели предатели. По-моему, это унижение для молодых немцев, даже если свастику нанести не только на заднице, как было предложено, но и спереди.

– Они такое предложили?– Шпеер запунцовел от ярости. Его двое сыновей были членами Гитлерюгенд и он как отец был против того, чтобы его дети маршировали в русских трофейных трусах, даже со свастиками.

– А что вы ожидали? Рейтузы женские, очень теплые кстати, предложено было напялить на девочек и представляете как бы они в них выглядели?– Сергей швырнул Шпееру рейтузы женские пятидесятого размера, бледно-болотного цвета и Шпеер заскрежетал зубами. У него была любимая дочь Марта, десяти лет отроду и он как отец, переживал за ее мо-

ральный облик.

Глава 5

На следующий день, потрепанный Вермахтом батальон Ваффен СС, дружно погрузил музейные ценности и отбыл в указанном направлении. Михаил порылся в хронике фронтовой и нашел им "окно" на стыке двух фронтов, которое в течение суток не контролировалось ни одной из сторон и, колонна грузовиков беспрепятственно пересекла линию фронта всего дважды обстрелянная из стрелкового оружия неустановленными лицами. Лица стреляли плохо и никто не пострадал. По совету Михаила, оказавшись на территории, в тылу советских войск, личный состав спешно переоделся в красноармейскую форму и остановившись в первом же крупном населенном пункте с длинным и непонятным для немецкого уха названием.— "Колхоз им. Двадцати шести Бакинских комиссаров",— принялся искать Председателя. Председателем оказался мужичонка лет шестидесяти, хромой и кривой на один глаз. Шпеер битый час пытался объяснить ему на ломанном русском языке, что от него требуется, но Председатель мотал головой непонимающе и довел гауптштурмфюрера до белого каления. Переодетый в капитана, он выхватил из кобуры Вальтер и, сунув его в нос туго соображающему русскому, в сотый раз повторил:

— Ты есть кретин, я есть русский офицер. Ферштеен? Твой, кретин, принимать груз. Этот грузовик, айн унд драй-

циг.

– Пошто я? Чой-то там?– не понимал Председатель.

– Это есть коштбаркайт. Ценность.

– Везите в район,– не хотел принимать на себя ответственность русский.

– Нихт район,– кипел Шпеер.– Ты принять, мы снять на камера. Или ауф хёнген, вешать,– Шпеер листал солдатский разговорник, пытаясь сочинить убедительную фразу, но ни одна из имеющихся не годилась. Фраз, в которых немецкий солдат желал что-то вернуть, отдать, подарить или всучить местному населению, там приведено не было. Составители разговорника предполагали, что заниматься немецкие военнослужащие на оккупированных территориях благотворительностью вряд ли будут и напихали туда в основном фразы с глаголами "дай", "подай", "стой" и т.п. Поняв, что нарвался на того самого "Председателя", которого легче повесить чем убедить, Шпеер распорядился соорудить петлю прямо на перекладине ворот дома, где проживал этот несговорчивый русский. И как только петля появилась, языковой и прочие барьеры тут же рухнули. Русский, оказывается, воевал еще в Первую мировую и несколько фраз с грехом пополам на дойче помнил. Вывалил все сразу, в том числе и "Хенде хох". В результате переговоры сдвинулись с мертвой точки и ценности были выгружены в колхозный амбар, заперты на огромный висячий замок и для охраны их выставлен сторож с такой древней берданкой, что все эсэсовцы сбежались на

нее посмотреть.— "Руссиш флинте, О-о-о",— цокали они языками, рассматривая кремневые курки.

— Че, ружжо чёли не видали?— нервничал сторож, ровесник председателей.— Осади, цурюх,— этот тоже видать был из ветеранов и Шпеер, сняв все на кинопленку и получив расписку о получении ценностей, увел своих людей пешим порядком, оставив тридцать один грузовик, обалдевшему от навалившихся забот председателю.

Телефонная связь с райцентром работала отвратительно и там никак не могли понять, что хочет от них председатель сельсовета и про какие ценности он докладывает. Послали несколько раз подальше, но звонки продолжались и наконец Предрайисполкома, случайно проходивший мимо дежурного, распорядился послать человека выяснить, что там за ценности появились в нищем колхозе, из которого мобилизовали даже лошадей на нужды армии. Утром, Уполномоченный, как положено, в военной форме и при нагане, появился в колхозе имени "26-ти комиссаров" и долго сначала листал накладные на немецком языке, потом открыв амбар, так же тупо смотрел на ящики с ценностями. И потом на колонну грузовиков, вытянувшуюся через все село и опять же явно состоящую из автомобилей не советского производства.

— Значит, говоришь, немцы это были, только в форме нашенской?— переспросил он председателя сельсовета.

— Вестимо оне. Главный ихний все за пистоль хватался. Вона петлю навесили. Пужал ирод. Примай, орет, ценности,

нето жизни лишу. Че делать? Принял.

— И сколько их всего было немцев этих?

— Дак с сотню никак. Рота то есть, товарищ Уполномоченный. Здоровые все бугаи. И ржали вона, как жеребцы.

— Чего ржали-то?

— Берданку у Пахомыча увидали и ну потешаться.

— А потом что?

— Потом кино еще снимали. На энтот аппарат, с ручкой эдакой. Как, значит, разгрузили, как я на энтих бумагах свою закорючку поставил. "Пристидж" сказали. А потом построились и вона, в лес подались.

— Немцы значит,— Уполномоченный распорядился вскрыть один ящик и увидев в нем музейные вещи, долго скреб затылок, пытаясь понять логику диверсантов-немцев, которые все это сюда доставили. Понять не смог и уехал обратно в район, на одном из брошенных немцами грузовике. Вечером этого же дня об инциденте с передачей ценностей было доложено в Москве самому Сталину. Иосиф Виссарионович, выслушав доклад о возвращении национального достояния противником, в отличие от райуполномоченного долго не думал, он понял сразу в чем заключается провокация и какую цель преследует.

— Гитлер хочет убедить мировую общественность, что он не агрессор и нанес превентивный удар. Поэтому возвращает ценности и снимает про это кино. Мы не должны поддаваться на провокации немецко-фашистских захватчиков и объ-

яснить всему прогрессивному Человечеству лживую сущность этой разовой акции. Снимите наше кино. Ценности, переданные гитлеровцами проверить, привлечь лучших экспертов. Я не верю, что там предметы очень ценные, шедевры. Шедевры фашисты увозят в Германию. Снимите про это наш советский кинофильм. Лаврентий, тебе поручаю. Проследи,-

Лаврентий Павлович был человеком понятливым и советские документалисты сняли в авральном порядке очередной антифашистский фильм. Пригвоздив гитлеровцев фактами. Кадры кинохроники убедительно демонстрировали зрителю, что фашисты, якобы передавая музейные ценности, на самом деле передали СССР плохо выполненные копии музейных ценностей. Картины оказались откровенной мазней, а бронзовые изделия, падая на пол, рассыпались на тысячи гипсовых осколков.

— Вот она сущность фашизма,— обличал оккупантов голос Левитана за кадром.

Иосифу Виссарионовичу фильм понравился и он дал добро на его тиражирование. Одну из копий было приказано доставить в Берлин нелегально и подбросить Рейхсканцлеру Германии, чтобы он "утерся" и понял, что Советское правительство "на мякине не проведешь и на кривой козе не объедешь".

Адольф Гитлер, получивший киноплёнку с текстом за кадром на немецком языке, просмотрел фильм дважды, пы-

таясь понять, что от него хочет этот "хитрозадый Сталин", но понять логику большевистскую не смог и спросил, торчащего в трех метрах за спиной Мартина Бормана.

– Что это значит? О каких ценностях идет речь? Кто передал их Сталину? Когда?

– Мой Фюрер, никакой передачи не было. Геббельс, мне не докладывал о каких бы то ни было контактах в этом направлении с русскими. Это наглая ложь и провокация. Сталин хочет убедить весь мир, что мы негодяи.

– Да он сам негодяй!– обиделся Гитлер.— Пьет, курит и вообще ведет образ жизни предосудительный. Выясните все о якобы переданных русским ценностях. Кто, сколько, где? Возьмите под личный контроль. Свяжитесь с командующими армиями. Я должен знать все обстоятельства этой акции, если она имела место. Подключите ведомство Канариса.

Ведомство Канариса, с удовольствием и энтузиазмом принялось за дело и, через сутки на столе Рейхканцлера лежал подробный отчет о проделанной работе. К отчету были приложены накладные с перечнем переданных русским ценностей и киноплёнка. Фюрер просмотрел ее также дважды и никак не мог взять в толк, почему одни русские передают другим какое-то имущество, снимают это на киноплёнку и заявляют потом, что это не соответствует действительности. Читая же отчет, в котором перечислялись фамилии замешанных в хищениях трофеев генералов и генералов-фельдмаршалов, хватался за голову. Информация, предоставлен-

ная адмиралом Канарисом, позволяла сажать в Дахау все руководство Рейха, кроме самого Фюрера и Евы Браун. У всех остальных "рыло было в пуху".

– Превышение служебных полномочий – это я понимаю. Это бывает. В этом есть логика, но зачем они устроили этот спектакль с передачей? Кто?– не понимал мотивов преступников Фюрер.

– Это Манштэйн. Это он. Я всегда говорил, что этот человек с двойным дном. Уж не агент ли он Сталина? Арестовать, допросить и повесить,– распахивался Фюрер.

– Но, мой Фюрер, накладные подписаны конкретными лицами. Вот взгляните,– Борман протянул Гитлеру акт приема-передачи, на котором размашисто на пол страницы было выведено. "Карл Маркс и Фридрих Энгельс". Шпееру было приказано именно эти фамилии указать при передаче и он педантично выполнил указание.

– Опять эти Карл и Фридрих?– взвыл Гитлер, отшвыривая от себя акты.– А Манштэйн?

– Генерал-фельдмаршал получил эти бумаги в свой штаб с почтой. Адресат не выяснен.

– Кто стоит за этими Карлом и Фридрихом? Выяснить и уничтожить.– Это враги номер один Рейха, Мартин. Запомните!!! Их нужно поймать и повесить. Иначе мы проиграем эту войну. Германия не сможет выполнить ту высокую миссию, которая предопределена ей Провидением, если мы не обезвредим этих двоих. Бросьте на их поиски лучших лю-

дей. Организуйте следствие. Поставьте на ноги все службы. Я жду результат. Положительный. С сегодняшнего дня, вы лично будете курировать все мероприятия по поимке этих людей. Докладывайте мне в любое время дня и ночи о ходе расследования. Не жалейте средств и привлекайте любое количество людей. Я армию с фронта сниму, я отведу войска с оккупированных территорий, если вам потребуется их столько. Весь Вермахт задействую. Вы поняли, какой важности миссию я на вас возлагаю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.